

Р. А. ЛАФФЕРТИ

**Дни, полные
любви и смерти**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Р. А. Лафферти

**Дни, полные любви
и смерти. Лучшее**

«Азбука-Аттикус»

1962-1982

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Лафферти Р.

Дни, полные любви и смерти. Лучшее / Р. Лафферти — «Азбука-Аттикус», 1962-1982

ISBN 978-5-389-19607-0

«В Талсе, штат Оклахома, жил да был писатель, который одно время был самым лучшим автором короткой прозы в мире. Звали его Р. А. Лафферти» (Нил Гейман). Впервые на русском – подборка лучших рассказов «самого оригинального из наших писателей» (Джин Вулф), «нашего североамериканского непризнанного Маркеса» (Терри Биссон), «самого безумного, колоритного и неожиданного автора из ныне живущих» (Теодор Старджон), одного из тех «уникальных писателей, которые с нуля создали собственный литературный язык» (Майкл Суэнвик). Отдельные рассказы современного классика переводились на русский еще с 1960-х гг., но книгой публикуются впервые. Более того, каждый рассказ сопровождается предисловием (а иногда и послесловием) таких мастеров жанра, как Нил Гейман, Сэмюел Дилэни, Харлан Эллисон, Конни Уиллис, Джон Скальци, Джефф Вандермеер и многих, многих других, замороженных его «парадоксами и противоречиями... безумными придумками и острым юмором» (Майкл Суэнвик). Герои Лафферти могут за восемь часов сколотить и утратить четыре состояния, спрятать целую долину в полутораметровой канаве, устроить на главной улице неделю ужаса с помощью семидневного исчезателя, сорвать планы Карла Великого, прокатиться через галактику в консервной банке, смастерить философскую концепцию из железа, разгадать загадку Долины старых космолетов на планете Медведей-Воришек и выиграть у самого Бога внекалендарные дни... «Он был сам себе жанр, и его рассказы не похожи ни на чьи другие: завиральные байки, стартовавшие в Ирландии и прибывшие в Талсу, штат Оклахома, с пересадками на Небесах и на дальних звездах» (Нил Гейман).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-19607-0

© Лафферти Р., 1962-1982

© Азбука-Аттикус, 1962-1982

Содержание

Не говоря уж о Лафферти: очень личное предисловие[4][5]	15
Тихая ночь со вторника на среду	18
Предисловие[9]	19
Тихая ночь со вторника на среду[12]	21
Узкая долина	26
Предисловие[14]	27
Узкая долина	28
Ни острова из камней в небесах	37
Предисловие	38
Ни острова из камней в небесах[27]	40
Великая междугородняя	49
Предисловие[36]	50
Великая междугородняя[37]	51
Как мы сорвали планы Карла Великого	57
Предисловие[39]	58
Как мы сорвали планы Карла Великого[41]	60
Безлюдный переулок	68
Предисловие[48]	69
Безлюдный переулок[49]	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Р. А. Лафферти
Дни, полные любви и смерти. Лучшее

R.A. Lafferty

THE BEST OF R.A. Lafferty

Edited by Jonathan Strahan

Copyright © 2019 by The Locus Science Fiction Foundation

All introductions and afterwords are copyright © 2018 by their respective authors and are used with permission

All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора и JAVberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© С. В. Гонтарев, перевод, 2021

© А. Э. Графов, перевод, 1986

© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1994, 1997

© М. Д. Лахути, перевод, 2021

© М. А. Литвинова, перевод, 2021

© М. Д. Литвинова (наследник), перевод, 2021

© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1971

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

В Талсе, штат Оклахома, жил да был писатель, который одно время был самым лучшим автором короткой прозы в мире. Звали его Р. А. Лафферти.

Нил Гейман

Лафферти наделен силой зажигать у нас в мозгу огонь. А мы только рады и просим еще.

Роджер Желязны

Р. А. Лафферти уникален в старом, неиспорченном значении слова. Гений настолько необузданный, радостный, восхитительный и непредсказуемый рождается раз в столетие. Берегите его. Если бы Лафферти не было, у нас не хватило бы воображения, чтобы его выдумать.

Майкл Суэнвик

Настоящим читателям, которые прочли хотя бы один рассказ Рафаэля Алоизиуса Лафферти, не надо объяснять, что он самый оригинальный из наших писателей. Практически все, что выходит из-под его пера, наполнено весельем и остроумием. Но при всей игривости и занимательности его прозы, ее никак не назовешь легким чтением: всегда есть пласт аллегии, пласт мифологии и что-то еще – что-то невыразимое... Может быть, он самый оригинальный не только из наших писателей, но и во всей истории литературы.

Джин Вулф

До сих пор никто из фантастов не испытывал реальной потребности раздвинуть, подобно Лавкрафту, границы жанра – весьма, впрочем, зыбкие. Быть может, единственным исключением будет один странный, очень странный писатель – Р. А. Лафферти. Иногда возникает впечатление, что Лафферти пишет не столько научную, сколько философскую фантастику:

только у него одного онтологическая мысль занимает более важное место, чем социологические, психологические или моральные проблемы.

Мишель Уэльбек

Лафферти – человек значительный, и его проза – самого высокого полета. Не просто грамотная – образцовая.

Харлан Эллисон

Лафферти – наш североамериканский непризнанный Маркес, кудесник слова, творящий в противофазе с нынешней стилистикой воинствующего минимализма; старый хитрец выдает притчи возмутительнее библейских, излагая их в жанре словесного торнадо...

Терри Биссон

Пусть рыдают трактирщики, мы же ликуем: рассказы Лафферти полны вакхического тепла, вспоминаемого на трезвую голову, – в них эйфория, товарищество, ностальгия и неисчерпаемая вера в то, что вот-вот случится чудо.

Деймон Найт

Р. А. Лафферти – самый безумный, колоритный и неожиданный автор из ныне живущих. Ближайшей аналогией (хотя любые аналогии в его случае, разумеется, бесполезны) будут «Путешествия Гулливера»: истории Лафферти можно читать как захватывающие приключения, или как язвительную сатиру, или как глубоко продуманное философское размышление о человеческой природе. Другими словами, как и со Свифтом, все зависит от оптики восприятия.

Теодор Старджон

Р. А. Лафферти – один из самых оригинальных фантастов в природе. Он испытывает жанровые рамки на разрыв, а то и вовсе их игнорирует, он потешается над серьезными вещами и воспевает гротеск. И плюс к этому – поистине необузданное воображение.

Терри Карр

Р. А. Лафферти – типичный возмутитель спокойствия и нарушитель порядка. Проза Лафферти насквозь пронизана юмором, но обычно, похихотав, я осознаю, что смеялся сам над собой.

Сэмюел Дилэни

...тонкость и необузданность, трагичность и поэтичность, громокипящая мелодрама и погружение в бездны человеческого духа, разговор с ангелами и демонами... Лафферти всегда был абсолютно уникален.

Пол Андерсон

Лафферти... единственный в своем роде. Таких больше нет. Его проза искрится, завораживает и пьянит, он настолько уникален, что, возможно, стоило бы придумать отдельный жанр: «лаффертитюра». Лафферти значит... неизменным невероятием своих идей и необычностью подачи материала. Его проза узнаваема сразу, его не спутаешь ни с кем...

Майкл Бишоп

Настоящее чудо, что серьезные философские мысли могут быть представлены так увлекательно, красочно и лирично.

Джудит Меррил

В сжатую форму сказки-небылицы автор вкладывает невообразимо много. Некоторые космические оперы не втиснули бы столько событий даже в трилогию! Космическая опера, в лучшем своем проявлении, – всего лишь подражание: это лишь коммерческая система доставки читателям самых необычных ситуаций, описанных в произведениях научной фантастики. У Лафферти же традиционные темы фантастов – контакты с инопланетянами, вторжение пришельцев, исследование космоса – как драгоценности, спрятанные под перевернутыми выщербленными чашками: пусть читатель гадает, где скрыто истинное сокровище. Но будьте осторожны – если вдруг догадаетесь, где оно, и поднимете чашку, сокровище, скорее всего, изменит форму, у него вырастут ноги, оно спрыгнет со стола и поскачет прочь.

Джефф Вандермеер

Рассказы Лафферти – как, например, и Филипа Дика – невозможно спутать ни с чьими другими.

Фред Сабержаген

Такое странное сочетание красоты, неизъяснимого ужаса и чуда встречается только в снах.

Джеймс Блейлок

Разве автор настолько оригинальный может считаться «ведущим»? А вот незабываемым – да, может! Открыв его однажды для себя, вы останетесь с ним навсегда. Его колдовские чары странного свойства, но, хоть раз попав под их влияние, вы уже никогда не очнетесь.

Терри Биссон

По большому счету Лафферти несопоставим ни с кем, и, даже проведя всевозможные параллели, по прочтении рассказа ты по-прежнему недоумеваешь: что это было? Что сейчас со мной произошло? Почему эти истории навсегда западают в душу, как воспоминания детства, как сказки, которые будоражили и подчас пугали? Наверное, потому, что рассказы Лафферти и есть сказки – философские сказки для взрослых.

Джек Дани

Решительно невозможно описать эту странную личность! Тем более не поддается рациональному анализу еще более «неописуемое» творчество Лафферти. Но с тем, что без этого автора современная фантастика заметно поблекла бы, сегодня согласны все. В причудливой вселенной Лафферти все не так, как в нашем мире, даже если рассказ писателя и был опубликован под ярлычком «мейнстрим». Потому что Лафферти – фантазер в душе, а не холодный ремесленник, пишущий фантастику. А еще он – заразительный юморист, хотя и не сказать, что светлый и легкий. И изощренный мифотворец. И глубокий, не без религиозной истовости, философ. И отличный стилист и рассказчик.

Владимир Гаков

Когда пишешь о Рафаэле Алоизиусе Лафферти, велико искушение пустить в ход его же инструменты: начать заигрывать с парадоксами и противоречиями, ослеплять безумными придумками и острым юмором, сумбурно излагать тонкие идеи посредством вызывающе примитивных фразеологизмов. Однако заниматься этим значит заведомо обречь себя на провал: мало того, что Лафферти на его поле не обыграешь, так еще и выглядеть будешь дурак дураком. С таким же успехом можно снять все деньги со счета в банке и пойти играть в наперстки. Ежу понятно, чем все закончится.

Поэтому я обойдусь без тонкостей. Как можно топорней представлю несколько фактов...

Во-первых, Лафферти – один из лучших авторов, когда-либо работавших в направлении научной фантастики и фэнтези.

Во-вторых, оригинальней его в этой сфере никого не было и нет.

Лафферти, наряду с Джеймсом Джойсом и Амосом Тутуолой, принадлежит к группе уникальных писателей, которые с нуля создали собственный литературный язык. Джойс, понятное дело, был автором образованным, и сильное влияние на него оказывали античные тексты. Тутуола – носитель племенной культуры, и определить, что породил его собственный гений, а что он позаимствовал у народа, сумеет лишь тот, кто знаком с традициями йоруба. Лафферти постоянно заимствовал из устной традиции американских баек, у писателей, которых забыли или на которых не обращают внимания, и из источников, которые еще предстоит занести в анналы литературной истории. Для критиков он подлинная золотая жила, вот только открыть бы им его для себя.

Майкл Суэвник

Поразительная изобретательность... Авантюрный дух, скрещенный с глубоким остроумием и приперченный характерным лаффертиевским безумием с нотками подлинного кошмара.

Сэмюел Дилэни

Когда-нибудь литературоведам, этим неутомимым маньякам классификации, придется расширить линейку жанров: фэнтези, мелодрама, вестерн, лаффертитур, научная фантастика, детектив...

Теодор Старджон

Р. А. Лафферти был гением, сумасбродом, безумцем. Его истории не имеют аналогов. Если с кем-то его и можно сравнить, то разве что с Флэнном О'Брайеном, отпустившим всякие тормоза, – но любые сравнения бессмысленны. Во всем мире найдется место лишь для одного Лафферти. Старого, мудрого рассказчика уморительных баек, не похожих ни на что на свете. Лафферти узнается немедленно, по любой отдельно взятой фразе. Он никогда не ощущал себя уютно в жанровых рамках научной фантастики, хоррора или фэнтези, однако публиковался в соответствующих журналах и получил премию «Хьюго» и «Всемирную премию фэнтези». Он был сам себе жанр, и его рассказы не похожи ни на чьи другие: завиральные байки, стартовавшие в Ирландии и прибывшие в Талсу, штат Оклахома, с пересадками на Небесах и на дальних звездах.

Нил Гейман

Как может вымысел отображать структуру реальности правдивее, чем сама реальность? Р. А. Лафферти легко вам это объяснит, а может, уже и объяснил. Рафаэль Алоизиус Лафферти обдумал, сформулировал и зафиксировал больше причудливых идей, чем кто бы то ни было в фантастическом жанре за все времена, и сама его карьера служит наглядным примером бесповоротного размывания жанровых рамок. Да, несомненно, он фантаст, но также несомненно, что вы сойдете с ума, пытаясь определить, какого рода фантастику он пишет.

Альгис Будрис

Велико искушение сравнить Лафферти с Борхесом. Но я всеми силами удерживаюсь от такого искушения, потому что Лафферти несводим к сравнениям: его гений уникален. Гений – то есть дух, по определению одушевляющий единственную личность, или место, или вещь (Сократ называл такого духа «даймоном»).

Безусловно, Лафферти был бы куда лучше известен, если бы жил и творил где-нибудь далеко, предпочтительно в Южном полушарии. Я не хочу этим сказать, будто Борхес, Гессе и т. п. – плохие писатели; напротив, они великолепны. Я только хочу сказать, что есть немало англоязычных авторов сходного масштаба и характера, не получающих и сотой доли того внимания, которого заслуживают.

Как Борхес очевидно является персонажем собственного рассказа, так же и Р. А. Лафферти – персонаж рассказа, написать который не мог бы никто, кроме самого Лафферти.

Джин Вулф

Р. А. Лафферти – натуральный одержимец, необузданный талант. Мир его не всегда уютен, ведь особое удовольствие Рафаэлю Алоизиусу доставляет едва уловимое, тончайшее выкручивание языковой ткани, так что незаметно меняется само значение слов. Его мир восхитительно абсурден и щетинится булавками, от которых лопаются мыльные пузыри самых надутых святынь...

A Reader's Guide to SF

Что за особые фокусы вытворяет Лафферти? Простой и привычный ответ – языковые. Ну и что с того – мало, что ли, у нас фантастов, умеющих вывернуть фразу кучеряво да поэтично? А теперь слушайте правильный ответ: все дело в том, что истории Лафферти звучат как народные сказки. Нет, он не пользуется языком народных сказок и почти не воспроизводит их характерного ритма. Но он до такой степени вжил в свое творение, что его язык – особенно сочетание чуть архаичной речи персонажей, напоминающей народную, и несусветной этимологии – звучит как язык, на котором кто-то когда-то вроде бы говорил. В свое время Евгений Замятин разработал концепцию «прозаической стопы», управляющей внутренним ритмом прозы¹. Напоминая читателю таким образом о некоем предыдущем

---

¹ Ср. «На первой же странице текста приходится определить основу всей музыкальной ткани, услышать ритм всей вещи. Услышать это сразу – редко удается... Это понятно: при решении ритмической задачи – прозаик в положении гораздо более трудном, чем поэт. Ритмика стиха давно изучена, для нее есть и свод законов, и уложение о наказаниях, а за ритмические преступления в прозе до сих пор не судят никого. В анализе прозаического ритма даже Андрей Белый – тончайший исследователь музыки слова – сделал ошибку: к прозе он приложил стиховую стопу... Для меня совершенно ясно, что отношение между ритмикой стиха и прозы такое же, как отношение между арифметикой и интегральным исчислением.

эпизоде, автор добивался своего рода «хоральной связности» – еще одного способа скрепить произведение плюс к сюжетной механике. В точности этим методом пользуется и Лафферти. По сути, он изобрел постмодернистский эквивалент гомеровского эпитета². А теперь, когда я раскрыл вам природу фокуса, попробуйте поймать фокусника за руку. Упс, опять не вышло!

На схожесть с народными сказками у Лафферти работают еще два приема. Во-первых, у него часто действуют дети, рассматриваемые сквозь призму памяти. В отличие от Брэдбери с его ностальгическим нагромождением визуальных деталей а-ля Норман Рокуэлл, Лафферти воспроизводит характерный для воспоминаний о детстве безумный темп событий. Дети и крепко пьющие юноши в его рассказах функционируют в мире, сгущенном памятью до плотного концентрата, и мы тоже пытаемся ускориться, чтобы уловить мимолетные мгновения. А во-вторых, Лафферти берет какой-нибудь смутный, малоизвестный элемент индоевропейской мифологии (смутный для рассудка, но кристально ясный для глаз души) и представляет его нам как историю из детства.

Дон Уэбб (SF Eye)

Лафферти часто обвиняли в упоенности кровавым гротеском, но смерть у него символизирует перерождение, как в личном, так и вселенском плане, и ключ к этой символике – в классической работе Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Бахтин писал, что Рабле «требуется для своего понимания существенной перестройки всего художественно-идеологического восприятия». Так же и с Лафферти: его фантастика саморефлексивно описывает механизм восприятия, необходимый для такой «существенной перестройки».

В научно-фантастическом сообществе Лафферти часто вызывал недоумение, и к таким недоумевающим применимы слова Бахтина: «Очень многих Рабле отталкивал и отталкивает. Огромное же большинство его просто не понимает. В сущности, образы Рабле еще и до сегодняшнего дня во многом остаются загадкой». Параллели между Рабле и Лафферти можно множить до бесконечности, и работа Бахтина – бесценный источник для понимания того, откуда происходит эстетика Лафферти.

Для Лафферти, как и для Рабле, «весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности». Но прежде чем постигать в этом аспекте мир, его надо сперва создать. Именно в фантастике Лафферти нашел жанр, как никакой другой приспособленный для творения и разрушения миров, – своего рода лингвистическую лабораторию, где он мог экспериментировать с человеческим восприятием сколько угодно.

В арифметике мы суммируем слагаемые, в интегральном исчислении мы складываем уже ряды, суммы: прозаическая стопа измеряется уже не расстоянием между ударяемыми *слогами*, но расстоянием между ударяемыми (логически) *словами*. И так же, как в интегральном исчислении – в прозе мы имеем дело уже не с постоянными величинами (как в стихе, в арифметике), но с переменными: метр в прозе – всегда переменная величина, в нем все время то замедления, то ускорения. Они, конечно, не случайны: они определяются эмоциональными замедлениями и ускорениями в тексте» (Е. Замятин. Закулисы).

² Ср.: «Распределение эпитетов при имени героев происходит таким образом, что при имени ряда героев эти эпитеты образуют числовое преимущество („частотный взрыв“). Подобное числовое преобладание, выделяя героя в некоем качестве по сравнению с иными качествами собственной характеристики героя, создает его индивидуальную эпическую характеристику» (И. Шгаль. Гомеровский эпитет как элемент художественной системы).

Фантастика для него – жанр, обладающий неисчерпаемым потенциалом перерождения; и все же столь многие авторы создают новый мир лишь для того, чтобы его поверхность однообразно эксплуатировали однообразные персонажи. В тот самый миг, когда фантастике следует быть наиболее активной, когда, говоря словами Бахтина, «существующий мир оказывается вдруг чужим» и «раскрывается возможность подлинно родного мира, мира золотого века, карнавальная правда», фантастика слишком часто отворачивается от громоподобного космического смеха карнавального сознания.

Эндрю Фергюсон. «Лафферти и его мир»³

Лафферти – это *Velvet Underground* научной фантастики: у него не было ни одного бестселлера, но все, кто его читал, тоже стали писателями.

Как его охарактеризовать? Блестящий и неповторимый стилист. Юморист высшей пробы. Человек, видевший мир сквозь призму теологии, мастерски живописавший чертей, грехи и онтологические провалы, что подстерегают нас на каждом шагу, и тонкими штрихами намечавший в окружающей тьме хрупкий мостик, что ведет к спасению.

Какой канон может его вместить? Христианской фантастики (К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкин, Джин Вулф)? Ирландской литературы, упоенной игрой слов (Джонатан Свифт, Лоренс Стерн, Джеймс Джойс)? Современной христианской беллетристики (Грэм Грин, Фланнери О'Коннор)? Проповедников и мистиков (Тереза Авила, Джон Донн, Томас Мертон)? Постмодернизма и психоделического юмора (Джон Кеннеди Тул, Хантер Томпсон, Томас Пинчон)? Лафферти отлично вписывается в любой из этих канонов.

Benedictinstitute.org

Рассказы представляются мне куда значительнее, чем романы. Я исповедую ту теорию, что хорошие рассказы пишутся сами, иначе говоря, они являются независимыми и представляют собой какие-то сущности (или даже живых существ), которые время от времени являются людям. Иногда это люди, обладающие свойством резонировать на все необычное, что им является и что проникает в них помимо их воли; как раз с помощью таких людей эти неведомые нам сущности проявляют себя – так и остальные узнают об их существовании. Вы уже догадались, что эти «резонантные» люди называются писателями. И я не могу не испытывать радости оттого, что несколько таких рассказов-сущностей когда-то явились не кому-нибудь, а именно мне.

Р. А. Лафферти

---

³ Название диссертации Эндрю Фергюсона «Lafferty and His World» отсылает к названию, под которым работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1940; опубл. 1965) была в 1968 г. переведена на английский: «Rabelais and His World».

Не говоря уж о Лафферти: очень личное предисловие⁴⁵

Нил Гейман

Объективность, бесспорно, прекрасная вещь. Благодаря ей мы доверяем критикам, обозревателям и комментаторам. Собственно, именно она делает критика хорошим критиком, обозревателя – хорошим обозревателем. И тогда мы верим их мнениям о книгах и фильмах, о музыкантах и писателях.

Честно, не знаю, можете ли вы верить тому, что я скажу о Р. А. Лафферти. Ведь я абсолютно необъективен. Это все равно как спросить у струны, настроенной на ноту соль, что она думает о струнах нижней октавы: ты слушаешь их – и вдруг звучит еще одна соль, и тебя охватывает радость узнавания. Да, так оно и бывает. Только так.

Мне было девять, и у нас дома откуда-то взялся сборник «Научная фантастика 12»⁶ под редакцией Джудит Меррил. Не знаю, кто его принес, возможно мой отец. Но чья бы ни была эта книга, я утащил ее к себе, начал читать, и мир для меня перевернулся. Уильям Берроуз, Сэмюел Дилэни, Кэрол Эмшвиллер, Кит Рид, Брайан Олдисс, Харви Джейкобс, Джон Апдайк, Тули Купферберг, Дж. Г. Баллард, Хилари Бэйли, Соня Дорман и Томмазо Ландольфи – произведения этих авторов уж точно не предназначены для девятилетних мальчишек, но меня это не волновало. Я читал и впитывал все, что мог понять. У меня появились новые любимые писатели. И новые представления о том, какой может быть фантастика. Например, рассказ Брайана Олдисса «Слияние» – самый настоящий словарь. А один из рассказов Р. А. Лафферти – учебная программа.

Я имею в виду «Начальное обучение камиройцев», где описывается система образования инопланетной расы: детей там, помимо прочего, учат, как создавать жизнь и управлять целыми планетами. Рассказ невероятно меня заинтересовал, а главное, задел за живое: вот бы и у нас была такая школа, вот бы и нас этому учили.

Второй рассказ, «Узкая долина», на мой взгляд, один из лучших в том сборнике и один из самых любимых мною по сей день. По сути, это небылица, байка о живописной долине – прекрасной, но, увы, очень уж узкой. Из этого рассказа я узнал многое об Америке, о коренных американцах, об ученых, о разных взглядах на мир и даже о магии, которую я буквально ощущал, – и она наполняла мою душу радостью.

Через год отец привез мне из Америки три сборника серии «Лучшая мировая фантастика», составленные Терри Карром и Дональдом Уоллхеймом. Тогда я прочитал «Девятьсот бабушек» и «Безлюдный переулочок». А потом: «Как мы сорвали планы Карла Великого». И окончательно влюбился.

Мне здорово повезло. До сих пор не могу понять, откуда в библиотеке маленького городка в Сассексе, где я вырос, взялись все книги Лафферти, выпущенные в Великобритании в твердой обложке издательством «Деннис Добсон и компания». Видимо, у того, кто их заказал для библиотеки, был очень хороший вкус. Я прочитал и полюбил «Четвертую обитель» (роман о тайных обществах, животных и людях с волосатыми ушами), «Рифы Земли» (о детишках-инопланетянах, застрявших на нашей планете) и «Космические саги» (об Одиссее, скитающемся в космосе). (Эти мои короткие описания в лучшем случае неполны, а в худшем – сбивают с толку.) Помню один потрясающий момент: я обнаружил, что оглавление «Рифов

---

⁴ Отсылка к роману Р. А. Лафферти «Не говоря уж о верблюдах» (*Not to Mention Camels*, 1976). Также известен по-русски как «Не считая верблюдов».

⁵ Перевод М. А. Литвиновой.

⁶ Антология выходила в 1968 г. под названием «SF 12» и переиздавалась в 1970 г. как «The Best of Sci-Fi 12».

Земли» зарифмовано, название каждой главы – стихотворная строка, и все вместе они складываются в небольшую поэму. Просто восторг!

В Лондоне на Берик-стрит в магазине «Были они смуглые и золотоглазые»⁷ я купил собственный экземпляр первого сборника Лафферти – «Девятьсот бабушек» в мягкой обложке. И заставил всех друзей прочитать его. Я был абсолютно убежден, что Лафферти – самый лучший, самый интересный писатель на свете. Мне нравилось, как он обращается со словами. Я наслаждался мелодикой его текстов – они поют, они танцуют! – и, казалось, чувствовал тот восторг, с которым автор играет словом.

На Рождество 1978 года родители подарили мне «Энциклопедию научной фантастики» под редакцией Питера Николса и Джона Ключа. Тогда я еще не знал, что и Питер, и Джон станут, каждый по-своему, моими близкими друзьями и что в соавторстве с Джоном Ключом я напишу статью о Лафферти для второго издания «Энциклопедии». Но я узнал, что Лафферти, оказывается, написал множество книг, которых я не читал и, более того, понятия не имел, что они вообще существуют. Долгие годы я воодушевленно на них охотился, не подозревая, что они хоть и написаны, но еще не изданы, – думаю, это открытие привело бы Ключа и Николса в замешательство.

В двадцать один год я не знал точно, чем буду заниматься в жизни, но у меня уже возникло смутное желание стать писателем. Единственный рассказ, который я написал к тому времени, был явным подражанием Лафферти. В дальнем зале все той же библиотеки в нашем городке хранился толстый том «Кто есть кто в литературе». Я начал листать его в полной уверенности, что Лафферти не найду, но обнаружил почтовый адрес в городе Талса, штат Оклахома. Писать агенту или издателю я бы не осмелился, но этот адрес выглядел как домашний.

В общем, я написал письмо и отправил вместе с рассказом.

Как оказалось, Лафферти к тому времени переехал, но мое письмо переслали по новому адресу. Он получил его и, к моему величайшему изумлению, ответил. Поблагодарил за «очень приличный пастиш, или пародию, или что-то в этом роде; конечно, это не рассказ, хоть и назван рассказом на титульной странице. Возможно, его даже кто-нибудь напечатает, хотя это зависит от причудливых особенностей вашего книжного рынка. Хороший текст, как кто-то заметил, всегда пробуждает в душе искру узнавания и принятия. Ваш текст, безусловно, пробуждает во мне очень особую искру». И добавил: «Почему бы вам не написать еще пару вещей? Ведь это весело, а другой причины и не требуется».

Мой любимый писатель сказал мне: пиши. И я повиновался.

Я хотел опубликовать статью о нем, но в то время никто не жаждал ее печатать. Мы продолжали переписываться, я задавал ему дерзкие вопросы о писательском труде и его собственной работе, а он терпеливо на них отвечал.

Есть писатели – их очень немного, – которые меня просто радуют. Есть те, что заставляют меня думать, тревожиться (в хорошем смысле), волноваться за судьбы их героев. Все это относится к Лафферти в высшей степени. Но он дает гораздо, гораздо больше. Едва открыв его книгу, я сразу расплываюсь в улыбке чистого удовольствия: так действует голос повествователя, его манера преподносить свои волшебные истории.

Вряд ли Лафферти можно с кем-то сравнить. Аврам Дэвидсон тоже писал блестящие и самобытные рассказы, знал невероятно много об окружающем мире, но его произведения непохожи на небылицы, которые рассказывают с абсолютно серьезным лицом. Ирландский романист Флэнн О’Брайен (он же Майлз на Гапалинь, настоящее имя – Бриан О’Нуаллан) умел рассказывать небылицы с серьезным лицом, но никогда не уводил читателя далеко за пределы

---

⁷ Один из крупнейших в Лондоне 1970-х гг. книжных магазинов научной фантастики, названный по одноименному рассказу Рэя Брэдбери; открылся в 1969 г., закрылся в 1981-м.

нашего мира. Джин Вулф, пожалуй, так же глубок, как Лафферти, но редко бывает по-настоящему забавным.

Я читал у Лафферти все, что мог найти. Я следовал за ним и когда он начал писать мрачнее, и когда его истории стали более личными. Я читал книги, выпущенные сперва крупными издательствами, потом мелкими, потом чуть ли не в самиздатовских брошюрах. Я читал то, что понимал, и то, чего не понимал, – думаю, иногда он писал для аудитории, которая ограничивалась им одним, – но все равно, даже не понимая, я получал огромное удовольствие от того, как он складывал слова и строил мир. Я даже видел дверь кабинета Лафферти⁸ в музее в Талсе!

Что еще вы хотели бы узнать? Пока писал всю эту лирику, понял, что пропустил биографические данные – важную информацию, которую читатель, безусловно, захочет видеть в предисловии.

Рафаэль Алоизиус Лафферти (друзья называли его Рэй) родился в Оклахоме, в городе Талса. Получив образование инженера-электрика, проработал в электрической компании до ухода на пенсию в сорок пять лет. После чего зарабатывал на жизнь только писательским трудом, пока не отошел от дел. Он был католиком («Католицизм играет важную роль в моей жизни. Без него я бы давно уже валялся в канаве, а сейчас стою в ней только одной ногой») и алкоголиком («Выпивка дурно влияет на мою писанину. Я алкоголик и не должен употреблять спиртное вообще. Но раз или два в год забываю об этом, и результат обычно плачевен. Алкоголь в большей степени разрушал мои тексты, нежели вдохновлял их. И все же всегда оставалась слабая надежда – „искать, но опять не найти“: должен же где-то существовать волшебный эликсир, раздвигающий границы воображения! Такие заблуждения – часть нашей жизни. В молодые годы спиртное дарило мне хорошую компанию и много веселья, но все-таки не творческий импульс»).

Во время Второй мировой войны он служил в армии. Его отправили в южную часть Тихого океана, но, как он всегда подчеркивал, «в двадцать восемь лет ты уже слишком стар для того, чтобы получать удовольствие от такого приключения – вот если бы на десять лет раньше, тогда другое дело».

Свой первый научно-фантастический рассказ «День ледника» он опубликовал в сорок шесть лет, в 1960 году, в журнале «Ориджинал сайнс-фикшн сториз». «Я добился кое-какого успеха, – говорил он позже о своей писательской карьере. – На главную улицу не вырулил, но в переулках для меня всегда горел зеленый свет».

В 1973 году он получил премию «Хьюго» за неплохой рассказ «Матушка Эвремы», но другие его рассказы, которые были на порядок лучше, проигрывали, а некоторые самые замечательные и вовсе прошли мимо тех, кто занимается выдвижением на премии. В 1984 году он оставил творчество, успев опубликовать более двухсот рассказов и двадцати романов.

В 1994-м Лафферти пережил инсульт и в последние годы страдал болезнью Альцгеймера. Писатель умер в 2002 году в доме престарелых в Брукен-Эрроу, в двадцати минутах езды от Талсы.

Свое фото, опубликованное в 1985 году в книге Пэтти Перрет «Лица научной фантастики», он сопроводил коротким комментарием: «В сорок пять лет я решил, что буду писателем. И стал лучшим в мире автором рассказов. Двадцать лет я толковал об этом людям, но некоторые не поверили».

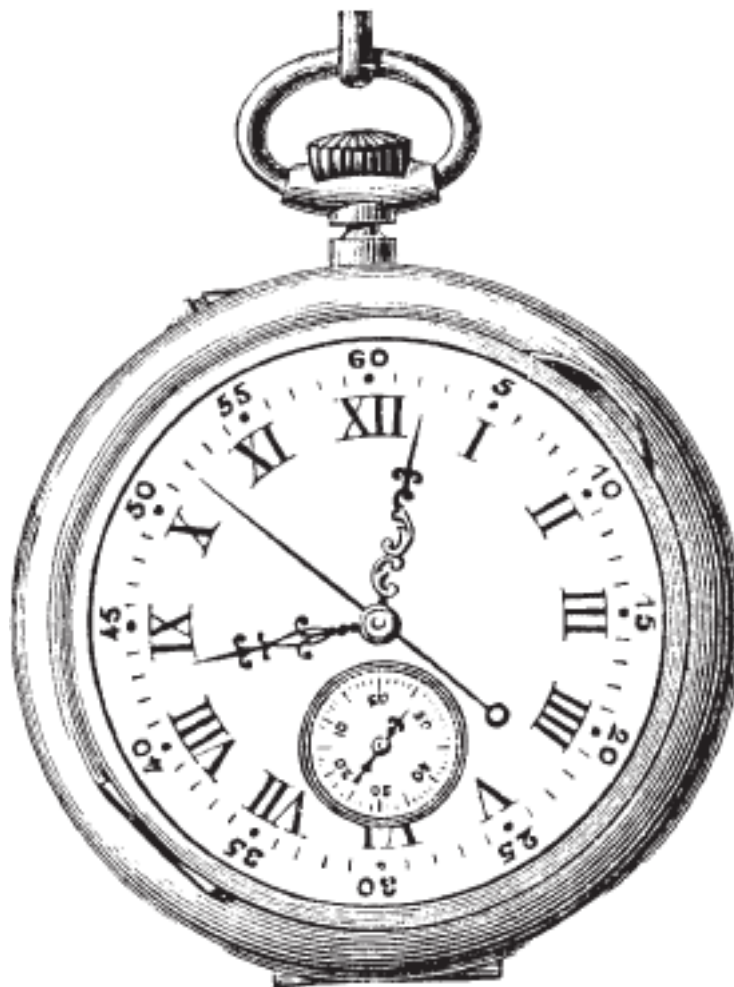
Я поверил.

Возможно, прочитав эту книгу, поверите и вы.

---

⁸ Лафферти обклеивал стены и дверь своего кабинета иллюстрациями, вырезанными из печатных изданий. После смерти писателя в 2002 г. дом перед продажей отремонтировали, и в оригинальном состоянии сохранилась только дверь, которую забрал Уоррен Браун (писатель из Талсы, друживший с Лафферти в последние десятилетия его жизни).

Тихая ночь со вторника на среду

Рассказ «Slow Tuesday Night» завершен в сентябре 1964 г. и опубликован в журнале «Galaxy Magazine» в апреле 1965 г. Включен в авторский сборник «Nine Hundred Grandmothers» («Девятьсот бабушек», 1970).

Предисловие⁹

Майкл Дирда

Хотя Лафферти обычно относят к писателям-фантастам, на самом деле его точно характеризует крылатое латинское выражение *sui generis*: он уникален, он – единственный в своем роде. Сюрреалистические сюжеты его историй с их неожиданными, захватывающими дух поворотами приправлены невероятными происшествиями и удивительными отступлениями, заключенными в скобки. Поклонники Лафферти обычно представления не имеют, что их ждет за углом и куда приведет очередное хитросплетение небылиц. Ну и что с того? Маршрут неизвестен, но мы наслаждаемся путешествием.

Вспомните своего «самого первого» Лафферти. Возможно, это рассказ «Страна Больших Лошадей», объясняющий происхождение цыган и включенный в классическую антологию «Опасные видения» Харлана Эллисона. Или «Матушка Эвремы» из сборника «Лауреаты премии „Небьюла“». А может быть, в благотворительной книжной лавчонке вы случайно наткнулись на «Бумеровы Отмели» – историю о том, как трое именитых ученых отправились на поиски недостающего звена эволюции в некий тexasский затон, где обнаружили волосатых гигантов, прекрасную девушку Лангустию Сом, расу почти бессмертных людей и космического путешественника по имени Комета.

Лично я знакомством с произведениями Лафферти обязан Джину Вулфу. Дело было в начале восьмидесятых, я брал у Вулфа интервью о только что законченной им «Книге Нового Солнца» и ненароком спросил, кем из современных авторов он восхищается. Не раздумывая, Вулф ответил: «Лафферти». Немедленно после нашей беседы я направился в книжный магазин и купил сборник «Девятьсот бабушек» в серии «Эйс сайнс-фикшн специал». Почему-то первым я начал читать рассказ «Тихая ночь со вторника на среду», – наверное, название зацепило. И все. Я погиб. Испытал такой же восторг, как в подростковом возрасте, когда впервые открыл «Джоркенс вспоминает Африку» лорда Дансени или «Избранное» С. Дж. Перельмана. Наверное, вам знакомо это чувство: читаешь, а тебе хочется вскочить и запрыгать от удовольствия; ты то смеешься себе под нос, то бормочешь: «Ну ничего себе... как же здорово!»

Никакие слова не способны передать блистательного размаха «Тихой ночи со вторника на среду». Лафферти соединяет велеречивую манеру изъясняться с именами, будто взятыми из комиксов, постоянно обманывает читательские ожидания и постепенно разворачивает картину мира, до боли знакомого нам сегодня. Рассказ был впервые опубликован в 1965 году в «Гэлакси», и очевидно, что Лафферти уже высмеивал одержимость американцев скоростью, наше преклонение перед богатством, статусом, «звездностью». Читая рассказ в наши дни, понимаешь, что автор неведомым образом предсказал и вирусную культуру интернета.

В самом начале рассказа попрошайка останавливает на улице прогуливающуюся парочку. «Храни нас и спаси нынче ночью! – начал он, вежливо приподняв шляпу. – А не могли бы вы, добрые люди, ссудить мне тыщонку, чисто поправить финансы?» Его манера речи напоминает изысканную вежливость знаменитого комика У. К. Филдса. Или даже Дж. Веллингтона Уимпи, мультипликационного героя и вороватого дружка матроса Попая («Я с огромной радостью заплачу вам во вторник за сегодняшней гамбургер»). И попрошайка, и парочка к просьбе дать тысячу долларов относятся как к чему-то само собой разумеющемуся. Вскоре мы понимаем почему. После того как в мозгу был устранен «блок Абебайоса», люди обнаружили: «На что раньше уходили месяцы и годы, теперь требуются всего лишь минуты и часы. За восьмичасовой отрезок времени можно сделать весьма затейливую карьеру, и не одну».

---

⁹ Перевод М. А. Литвиновой.

И тут же все – абсолютно все – начинает раскручиваться очень быстро, а значит, ничто не продолжается долго. Попрошайке – его зовут Бэзил Багельбейкер – «через полтора часа... предстояло сделаться самым богатым человеком в мире. За восемь часов он сколотит и утратит четыре состояния, и не какие-нибудь мелкие состояньица, доступные обычному человеку, – нет, он провернет операции титанического масштаба».

За один вечер Ильдефонса Импала, самая красивая женщина в городе, несколько раз выходит замуж и разводится. Ее медовый месяц с новоиспеченным богачом-изобретателем Фредди Фиксико – апофеоз китча: «Подсвеченная золотом вода струилась в замкнутом цикле всемирно известных водопадов. Скалы вокруг работы Рамбла, а в отдалении – горы по эскизам Сполла. Пляж – точная копия Меривэйльского, и популярный напиток первой половины ночи – голубой абсент».

Медовый месяц «де-люкс» продолжается час, после чего Ильдефонса, сверившись с «индикатором трендов», выясняет, что изобретение Фредди очень скоро выйдет из моды и ее муж лишится состояния. Естественно, она тут же разводится. «За кого бы теперь выйти замуж?» – спрашивает себя Ильдефонса в эту долгую-долгую ночь.

Тем временем Бэзил делает дела на Денежном рынке. «В результате рухнули несколько созданных за предыдущие два часа промышленных империй, и Бэзил объединил их обломки к немалой для себя выгоде». Разумеется, его жена Джуди «вошла в десятку самых роскошно одетых женщин на пятиминутке моды около двух ночи».

В этом стремительном мире пьесы и фильмы длятся не больше шести минут, и «Стэнли Скалдагер вышел в топ актеров-имаго середины ночи». Максвелл Маузер решает написать глубокое философское исследование и посвящает этому целых семь минут своего времени. В этом ему помогает «указатель идей», затем он устанавливает «активатор на нужное количество слов», а чтобы придать индивидуальность, включает «миксер небанальных аналогий с дополнительной тонкой настройкой оригинального подхода и личностной сигнатуры». Получившееся произведение вмиг становится мегапопулярным – «одним из величайших достижений философской мысли начала и середины ночи», – но к рассвету оно уже забыто и никому не нужно.

В «Тихой ночи со вторника на среду» Лафферти – набожный католик и человек консервативных взглядов – изображает общество бессмысленных стремительных перемен, где нет «вечных городов»¹⁰ и начисто отсутствует всякая духовность. Люди живут одним моментом, ничто не имеет ценности или значения, ни одно сердце не разбивается навсегда. И все эти детали складываются в простую блестящую идею: если придать миру ускорение, он в итоге начнет напоминать кульминацию очередной фарсовой серии про «Кистоуновских полицейских»¹¹.

В рассказе «Семь дней ужаса» Лафферти пишет о гостиничном номере, который «по царящему в нем беспорядку напоминал опочивальню пьяного султана». Превосходное сравнение и к тому же отличный пример блистательно-метафоричного языка автора. Мы любим Лафферти за чистую радость, которую дарит его слово, за уникальную ироничную манеру изложения, за головокружительные повороты сюжета, за умное лукавое подмигивание. Ожидать от него какой-либо логики, кроме логики Страны чудес, – значит лишить себя великого удовольствия. В конце концов, как говорит герой-раблезианец из рассказа «Одним днем», «сказка несовместима с рациональностью и реализмом».

Уверен, Лафферти согласился бы со своим героем.

---

¹⁰ Отсылка к христианскому гимну «We've No Abiding City Here».

¹¹ «Кистоуновские полицейские» («Keystone Cops», часто «Keystone Kops») – герои немых фарсовых комедий, выпущенных компанией Мака Сеннета «Keystone Film Company» в 1912–1917 гг.

Тихая ночь со вторника на среду¹²

Поздним вечером в темном переулке к неторопливо прогуливающейся парочке обратился попрошайка.

– Храни нас и спаси нынче ночью! – начал он, вежливо приподняв шляпу. – А не могли бы вы, добрые люди, ссудить мне тыщонку, чисто поправить финансы?

– Я тебе в прошлую пятницу давал тысячу, – сказал молодой человек.

– Было дело, – согласился попрошайка, – а я тебе к полуночи вернул с курьером в десятикратном размере.

– Правда, Джордж, вернул, – вмешалась девушка. – Милый, одолжи ему. По-моему, он человек надежный.

Так что молодой человек дал попрошайке тысячу долларов. Попрошайка снова приподнял шляпу в знак благодарности и отправился поправлять финансы.

У входа на Денежный рынок ему встретилась Ильдефонса Импала – первая красавица города.

– Ильди, выйдешь за меня этим чудным вечерком? – бодро поинтересовался он.

– Ой, Бэзил, вряд ли, – ответила Ильдефонса. – Я за тебя часто выхожу, но сегодня даже и не знаю. Сделай мне подарок, что ли, с первой или там второй прибыли. Подарки я люблю!

Они разошлись каждый в свою сторону, и тогда Ильдефонса задумалась:

– Так за кого же мне сегодня замуж пойти?

Попрошайку звали Бэзил Багельбейкер, и через полтора часа ему предстояло сделаться самым богатым человеком в мире. За восемь часов он сколотит и утратит четыре состояния, и не какие-нибудь мелкие состояньица, доступные обычному человеку, – нет, он провернет операции титанического масштаба.

С тех пор как из человеческого мозга удалили блок Абебайоса, люди стали принимать решения намного быстрее – а то и лучше. Как будто излечились от мысленного заикания. Как только выяснили, что это за часть мозга такая, и установили, что она не выполняет никакой полезной функции, ее стали удалять путем несложной операции сразу после рождения.

Теперь транспорт и промышленность работают практически мгновенно. На что раньше уходили месяцы и годы, теперь требуются всего лишь минуты и часы. За восьмичасовой отрезок времени можно сделать весьма затейливую карьеру, и не одну.

Вот, к примеру, Фредди Фиксико только что изобрел манус-модуль. Фредди – никталоп, а для них такие модули крайне типичны. В зависимости от природных склонностей человечество разделилось на аврориан, гемеровианцев и никталопов – иначе говоря, рассветников, у кого наибольшая активность приходится на промежуток от четырех утра до полудня; дневников, занявших время от полудня до восьми вечера; и ночников, чья цивилизация процветает от восьми вечера до четырех утра. У всех трех народов культура, наука, торговля и развлечения заметно различаются. В этот тихий вторничный вечер Фредди, будучи никталопом, едва только начал свой рабочий день.

В восемь вечера Фредди снял помещение для офиса и заново его обставил. Это заняло одну минуту – переговоры, оформление документов, доставка и установка мебели совершились почти мгновенно. На изобретение манус-модуля ушла еще минута. Запустил в производство, развернул рекламную кампанию, и через три минуты товар был доставлен ключевым закупщикам.

Новинка имела успех. Модуль получился довольно симпатичный. В первые тридцать секунд хлынул поток заказов, а в десять минут девятого все, кто что-нибудь значит, стали вла-

---

¹² Перевод М. Д. Лахути.

дельцами новых манус-модулей. Сложился тренд. Модули продавались миллионами экземпляров. Это стало одним из интереснейших увлечений той ночи – или как минимум вечера.

Никакого практического применения манус-модули не имели, так же как и стихи Самеки. Приятные на вид, психологически привлекательного размера и формы, их можно было вертеть в руках, поставить на стол или в стенную нишу для модулей.

Фредди, натурально, купался в деньгах. Ильдефонса Импала, первая красавица города, всегда интересовалась недавно разбогатевшими личностями. Она посетила Фредди около половины девятого. Решения теперь принимались быстро, и к Фредди Ильдефонса пришла уже с готовым решением. Он тоже мгновенно решился, оформил в Суде малых тяжб развод с Джуди Фиксико, и они с Ильдефонсой отправились в свадебное путешествие на курорт Параизо-Дорадо.

Это было волшебно, как и все замужества Ильди. Дивный пейзаж в сиянии мощных прожекторов. Подсвеченная золотом вода струилась в замкнутом цикле всемирно известных водопадов. Скалы вокруг работы Рамбла, а в отдалении – горы по эскизам Сполла. Пляж – точная копия Меривэйльского, и популярный напиток первой половины ночи – голубой абсент.

Но красивый пейзаж – хоть в первый раз, хоть в сотый – поражает, когда его увидишь, и только. Долго разглядывать – надоедает. Мгновенно выбранные и тут же приготовленные деликатесы съедаются быстро и с удовольствием. Голубой абсент заканчивается так же скоро, как восхищение его новизной. У Ильдефонсы и ее избранников любовь происходит стремительно и безоглядно, а возвращаться к прошлому незачем. К тому же они с Фредди выбрали свадебное путешествие класса люкс продолжительностью один час.

Фредди был не прочь и дальше поддерживать отношения, но Ильдефонса глянула на индикатор трендов. Манус-модуль продержится на волне популярности первую треть ночи, не дольше. От него уже отказались те, чье мнение имеет вес. А стабильный успех Фредди Фиксико в принципе не дается. Ему хорошо если раз в неделю случается сделать полноценную карьеру.

Они вернулись в город и в девять тридцать пять уже развелись в Суде малых тяжб. Остатки манус-модулей пошли в продажу по сниженной цене, а что не купят даже так, разберут за бесценок рассветники – эти все сметают не глядя.

«За кого бы теперь выйти замуж? – призадумалась Ильдефонса. – Затишье сегодня, как посмотрю».

– Багельбейкер покупает, – пронесся слух по Денежному рынку, но не успели еще затихнуть разговоры, как Багельбейкер уже начал распродавать акции.

Бэзил Багельбейкер делал деньги с удовольствием. Любо-дорого посмотреть, как он стоит в центре Денежного рынка и через губу роняет распоряжения курьерам. Вмиг набежали помощники, содрали с него рвань попошайки и нацепили взамен манатки финансового магната. Одного курьера он отправил вернуть долг в двадцатикратном размере той парочке, что ссудила ему тысячу долларов. Другого курьера погнал с куда более весомым подарком к Ильдефонсе Импале – Бэзил дорожил их отношениями. Выкупив систему индикации трендов, он внедрил некоторое количество дезинформации. В результате рухнули несколько созданных за предыдущие два часа промышленных империй, и Бэзил объединил их обломки к немалой для себя выгоде. Прошло несколько минут, а он все еще оставался самым богатым человеком в мире. Отяжелев от денег, он больше не мог лавировать с прежней легкостью. Бэзил превратился в жирный куш, и вокруг уже кружила стая биржевых волков, примериваясь, как бы полочнее вцепиться в горло.

Вскорости он лишился своего первого за вечер состояния. Секрет Бэзила Багельбейкера заключался в том, что ему доставляло удовольствие разом потерять прорву денег.

Тем временем задумчивый человечек по имени Максвелл Маузер написал фундаментальный труд из области актинической философии, затратив на это ровно семь минут. При написании философских работ авторы нынче пользуются гибкой схемой основных тем и алфа-

витными указателями идей. Устанавливаешь активатор на нужное количество слов для каждого подраздела; опытным мастерам также служат подспорьем справочники парадоксов и миксер небанальных аналогий с дополнительной тонкой настройкой оригинального подхода и личностной сигнатуры. На выходе автоматически получаются произведения наивысшего качества. Надо полагать, и у Маузера вышла отличная работа.

– Посыплю еще орешков поверх глазури, – сказал Максвелл, нажал соответствующую кнопку, и трактат припорошило изрядной толикой таких слов, как «хтонический», «эвристика» и «прозимейды», чтобы уж никто не сомневался, что перед ними философский труд.

Максвелл Маузер отправил произведение в несколько издательств, и каждый раз текст ему возвращали не более как через три минуты с критическим разбором и обоснованием отказа, – дескать, все то же самое уже делали раньше и лучше. Получив за полчаса десяток отказов, Максвелл заметно упал духом. Но тут ему повезло.

Десять минут назад Ладиион опубликовал работу, которая произвела много шума, и критики единодушно пришли к выводу, что монография Маузера может послужить ей ответом и в то же время дополнением. В первые пять минут авторы критических отзывов еще соблюдали осторожность в формулировках, а затем начался настоящий бум. Трактат Маузера стал одним из величайших достижений философской мысли начала и середины ночи со вторника на среду. Многие утверждали, что он не утратит своей актуальности до утра и даже заинтересует завтрашних рассветников.

Натурально, Максвелл разбогател, и, само собой, около полуночи его посетила Ильдефонса. Максвелл, будучи ниспровергателем основ, рассчитывал на свободные отношения, но Ильдефонса настаивала на женитьбе. Поэтому Максвелл развелся с Джуди Маузер в Суде малых тяжб и уехал с Ильдефонсой.

Эта самая Джуди хоть и не могла затмить Ильдефонсу красотой, зато превосходила всех скоростью реакции. Она всегда выбирала мужчину момента и неизменно успевала его ухватить даже раньше Ильдефонсы. Ильдефонса считала, что отбивает мужчин у Джуди, а Джуди говорила – Ильди за ней подбирает объедки, только и всего.

– Я его первая забрала! – насмеялась Джуди, в очередной раз пробегая через Суд малых тяжб.

– Вот же вертихвостка сопливая! – вздыхала Ильдефонса. – Она и прически мои раньше меня поносить успевает.

Максвелл Маузер с Ильдефонсой Импалой провели свадебное путешествие на горном курорте Музыкальная Шкатулка. Там было чудесно! Горные вершины отделаны зеленым снегом по проекту Данбара и Фиттла (тем временем на Денежном рынке Бэзил Багельбейкер сколачивал свое третье и самое значительное состояние за ночь со вторника на среду – пожалуй, поболее, чем его же четвертое состояние за предыдущий четверг). На курорте шале для гостей были такие шалеистые, каких нет и в самой Швейцарии, и в каждой комнате имелись живые козы (а тем временем Стэнли Скалдаггер вышел в топ актеров-имаго середины ночи). Самыми популярными напитками середины ночи были булькотайзер, «Сова в трико» и рейнское с розовым льдом (а тем временем ведущие никталопы собрались на полуночный перекус в клубе «Верхушка»).

Поездка была волшебная, как и все замужества Ильдефонсы, но Ильди не особо увлеклась философией и потому заказала всего лишь тридцатипятиминутное свадебное путешествие по разряду «Особое обслуживание». На всякий случай проверив индикатор трендов, она выяснила, что популярность ее нынешнего мужа миновала и его трактат в насмешку называют «Осечка Маузера».

Состав клуба «Верхушка» постоянно менялся. Необходимым условием членства в клубе был успех. Багельбейкера от трех до шести раз за ночь принимали в клуб, избирали президен-

том, а потом выгоняли как жалкого нищеврода. В клубе состояли только люди значительные – или те, кто на мгновение стал значительным.

– Я, наверное, просплю период рассветников, – промолвил Оверколл. – Может, на часок загляну в то новое заведение, «Космополис». Там, говорят, хорошо. Ты, Бэзил, где спать будешь?

– В ночлежке.

– А я, пожалуй, посплю один час по методу мадианитян¹³, – сказал Бернбаннер. – У них шикарная новая клиника. Еще час, может, по системе Прасенки и час по Дормидио.

– Крэкл спит по естественному методу – один час за период, – заметил Оверколл.

– Я недавно такое пробовал, – отозвался Бернбаннер. – Полчаса проспал. Я считаю, часа на это многовато будет. Бэзил, ты пробовал естественный метод?

– Только им и пользуюсь. Естественный метод и бутылка краснойглазки.

Стэнли Скалдаггер сделал самую стремительную лицедейскую карьеру за целую неделю. Натурально, разбогател, и около трех утра его посетила Ильдефонса.

– Я его первая забрала! – издевательски прозвенел голосок Джуди Скалдаггер, оформляющей развод в Суде малых тяжб.

Ильдефонса с малышом Стэнли умчались в свадебное путешествие. Всегда приятно завершить период с известным лицедеем. Есть в них этакая трогательная подростковая невоспитанность.

К тому же это реклама, а Ильдефонса обожала рекламу. Мельница слухов работала вовсю. Сколько у них продлится – десять минут? Полчаса? Час? Не будет ли это один из тех редких случаев, когда брак между никталопами сохраняется до утра? А то вдруг и до следующего вечера, такое тоже бывало!

На сей раз брак продержался около сорока минут – почти до конца ночного периода.

Ночь со вторника на среду выдалась тихая. Две-три сотни новых товаров завоевали рынок и отжили свое. Наделали шума десятков-другой театральных постановок, трехминутных и пятиминутных драм, несколько затяжных, шестиминутных, любовных историй. Самой популярной пьесой стала «Ночная улица, девять» – весьма достойное по своей унылой омерзительности произведение, если только в оставшийся до утра краткий промежуток не появится нечто еще более впечатляющее.

Стремительно вырастали стоэтажные здания, заселялись, устаревали и шли под снос, уступая место более современным постройкам. Только жалкие обыватели соглашались жить в домах, построенных накануне дневниками или, паче того, рассветниками, и тем более никталопами прошлой ночи. За восьмичасовой период город полностью перестраивается как минимум трижды.

Ночь близилась к завершению. Бэзил Багельбейкер, самый богатый человек в мире, полновластный президент клуба «Верхушка», веселился в компании приятелей. Его четвертое за сегодня состояние вознеслось бумажной пирамидой на недостижимую высоту, но Бэзил только смеялся, с наслаждением вспоминая махинацию, на которой все это базировалось.

Твердой поступью в зал вошли трое вышибал клуба.

– Пошел вон, поганый бродяга! – сурово сказали они.

Сорвали с Бэзила роскошные шмотки и, кривясь в три издевательских рта, швырнули ему отрепье попрошайки.

– Все ушло? – спросил Бэзил. – Я думал, еще минут на пять хватит.

– Все ушло, – сказал курьер с Денежного рынка. – Девять миллиардов утекли за пять минут и много народу заодно потопили.

– Гоните нищеврода в шею! – завопили Оверколл, Бернбаннер и другие кореша.

---

¹³ *Мадианитяне* – полукочевой народ, упоминается в Библии и Коране.

– Бэзил, погоди, – сказал Оверколл. – Давай сюда президентский жезл, пока мы тебя не спустили с лестницы. Что уж там, завтра все равно еще не раз его получишь.

Восьмичасовой период заканчивался. Никталопы разбредались в клиники сна и досуговые убежища. Теперь за дело возьмутся аврориане, то бишь рассветники.

Тут все пойдет совсем по-другому! Рассветники быстро принимают решения, ничего не скажешь. Эти не будут целую минуту возиться, разворачивая новый бизнес.

По дороге к месту дневного отдыха Ильдефонсе встретился сонный попрошайка.

– Храни нас и спаси нынче утром, Ильди! – сказал он. – Выйдешь за меня завтра вечером?

– Пожалуй, что и выйду, Бэзил, – ответила Ильдефонса. – Ты сегодня женился на Джуди или как?

– Не помню. Ильди, одолжишь два доллара?

– Ни в коем случае. Вроде я слышала, некая Джуди Багельбейкер вошла в десятку самых роскошно одетых женщин на пятиминутке моды около двух ночи. А зачем тебе два доллара?

– Доллар на ночлежку и доллар на красноглазку. Я ж тебе два миллиона отправил со второй прибыли.

– Это разные вещи, я их не смешиваю. На, держи доллар, Бэзил. И вали отсюда! Еще увидит кто, как я разговариваю с убогим попрошайкой.

– Спасибо, Ильди! Пойду куплю красноглазку, а поспать и в переулке можно. Сохрани нас и спаси нынче утречком!

Багельбейкер побрел прочь, насвистывая «Тихую ночь со вторника на среду».

Рассветники уже приступили к утру среды.

Узкая долина

Рассказ «Narrow Valley» завершен в марте 1966 г., доработан в апреле 1966 г. и опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в сентябре 1966 г. Включен в авторский сборник «Nine Hundred Grandmothers» («Девятьсот бабушек», 1970).

Предисловие¹⁴

Майкл Суэнвик

«Узкая долина» – пожалуй, самая понятная и близкая к обыденной человеческой жизни небылица Рэя Лафферти. Наверняка вы были бы не против, окажись у вас в соседях ее герои: конечно же, Кларенс Малое Седло и его отец Кларенс Большое Седло; но и толстяк из земельного отдела тоже сгодится, равно как и фермер мистер Даблин, который обожает шутки ради постреливать из винтовки в своих друзей. Разумеется, и таинственно-вездесущий Вилли Макджилли, и не одна, а целых две очень умных девчушки. (Братья у них тоже смекалистые, но у Лафферти был особый дар изображать именно умных девочек.) Правда, Роберт Рэмпарт – не слишком приятный персонаж, но в семье из семи человек он один такой, а это уже хорошо. Честно, я даже не помню, скольких знакомых превратил в страстных поклонников Лафферти, вручив им сборник «Девятьсот бабушек» и ткнув пальцем в «Узкую долину»: «Вот, прочитай для начала это!»

Этот рассказ легко полюбить.

Именно «Узкую долину» надо благодарить за то, что прозе Лафферти начали приписывать сильное влияние американского фольклора и народных сказок. Безусловно, один из его самых эффектных приемов – невозмутимое повествование о самых невероятных событиях. И да, внутреннюю жизнь героев он почти всегда игнорирует, – нет, он не Генри Джеймс. Если персонажа Лафферти ограбили, автор даст ему встать, открыть рот, сообщить, что случилось, и громко пожаловаться на жизнь. А если женщина заскучает, то она прямо так об этом и скажет. Так что утверждение насчет влияния сказок отчасти верно.

И все же современные сказки писали и пишут многие, но никто не сумел даже приблизиться к «Барду из Талсы». Взять хотя бы «лирические отступления» вроде речи Кларенса Малого Седла об индейском военном головном уборе или лекцию об огромной Луне на горизонте. Или изящное использование диалектных слов. Или очаровательные смешные шутки, или восхитительную пародию на ученые речи. Сказки всегда просты и прямолинейны. «Узкая долина» – совсем наоборот. Это сложная, тонкая работа, выполненная очень непростым человеком.

Можно многое сказать об авторе по тому, чью сторону он принимает. За этим рассказом стоят невеселые события прошлого, и Лафферти, который знал историю Оклахомы вдоль и поперек, прекрасно понимал, о чем пишет. В начале семнадцатого века шестьдесят тысяч индейцев пауни владели огромными землями, а в 1893 году... что было дальше, прочитаете сами в первом же абзаце. Тем не менее, как ни парадоксально, «Узкая долина» – один из самых светлых и радостных рассказов Лафферти, ода стойкости и человеческому достоинству.

Ну и, как я уже сказал, его легко полюбить. Сами увидите.

---

¹⁴ Перевод М. А. Литвиновой.

Узкая долина

В 1893 году оставшиеся индейцы пауни – всего числом восемьсот двадцать один – получили в собственность личные земельные наделы. Каждому досталось по сто шестьдесят акров, и ни акром больше. Предполагалось, что пауни, осевшие на земле, будут платить в казну налог.

– Киткехахке!¹⁵ – чертыхнулся Кларенс Большое Седло. – Сто шестьдесят акров! Да тут и собаку пнуть негде! Еще и налог! Сроду не слышал ни о каких налогах.

Он выбрал себе чудесный зеленый участок, один из тех шести, которые с давних пор считал своими. На участке построил летний вигвам, потом обложил его дерном, и получилось жилище на все времена года. Но, конечно, никакого земельного налога он платить не будет – ишь чего захотели!

Кларенс разжег огонь, бросил в него кору с листьями и произнес заклинание.

– Будь моя земля всегда зеленая и цветущая. И широкая-преширокая, – говорил он нараспев, как все индейцы пауни. – А сунутся чужаки, стань земля тесной расщелиной.

У него не было под рукой коры пихты, и он бросил в огонь немного кедровой. Не было бузины – бросил пригоршню дубовых листьев. Но слово-то он забыл, а заклятье без слова не действует. И Кларенс, рассчитывая обмануть богов, крикнул во всю глотку:

– Питахауират!¹⁶

И тихонько добавил про себя:

– Это слово такое же длинное, как и в заклятье.

И все же он сомневался.

– Я что, безмозглый дурак? Белый человек? Конь с колючками в хвосте? Поверить, что заклятье подействует?! Даже самому смешно! Впрочем, ничего не поделаешь.

Бросил в огонь остатки коры с листьями, снова прокричал обманное слово. И вдруг ему в ответ небо озарила яркая летняя молния.

– Скиди!¹⁷ – изумился Кларенс Большое Седло. – Сработало! Вот уж не думал!

Кларенс Большое Седло много лет прожил на своей земле. Никогда не платил налогов, и никто чужой к нему не вторгался. Участок три раза пытались продать, но никто на него не позарился. В конце концов его внесли в земельный реестр как свободную землю. Несколько раз отводили поселенцам, но никто не смог на нем обосноваться.

Прошло полвека. И вот однажды Кларенс Большое Седло кличет своего сына.

– Я устал от жизни, мой мальчик, – сказал он. – Пойду домой и помру.

– Ступай, отец, – ответил его сын Кларенс Малое Седло. – А я спешу в город на «Т»¹⁸: хочу покатать шары с друзьями. Вернусь к вечеру и похороню тебя.

Так Кларенс Малое Седло стал наследником этой земли. Он тоже прожил на ней много лет и тоже не платил налога.

Как-то в здании местного суда поднялся переполох. Можно было подумать, в суд ворвались грабители. Но это была всего лишь семья – мужчина, женщина и пятеро детей.

– Я Роберт Рэмпарт, – представился мужчина. – Нам нужен земельный отдел.

– Я Роберт Рэмпарт-младший, – сказал долговязый парень лет девяти. – Он нам очень нужен, черт побери, и как можно скорее.

---

¹⁵ Название одного из четырех племен пауни.

¹⁶ Название одного из четырех племен пауни.

¹⁷ Название одного из четырех племен пауни.

¹⁸ Во многих штатах США есть свой «Т-Town» (Тампа во Флориде, Трентон в Нью-Джерси, Тусон в Аризоне и т. д.); в данном случае имеется в виду Талса, штат Оклахома, – город, где Лафферти прожил всю свою жизнь.

– По-моему, у нас нет такого отдела, – пожала плечами девушка за конторкой. – Но, помнится, много лет назад что-то подобное было.

– Незнание не оправдывает бестолковости, моя дорогая, – вступила в разговор восьмилетняя Мэри Мейбл Рэмпарт, которой можно было дать и восемь с половиной. – Вот напишу жалобу, и посмотрим, кто будет завтра сидеть на вашем месте.

– Вы, видно, заехали не в тот штат или ошиблись столетием, – сказала девушка.

– Закона о поселенцах еще никто не отменял, – настаивал Роберт Рэмпарт. – В этом округе есть свободный участок. И я хотел бы, чтобы его отвели мне.

Толстяк за дальним столом призывно подмигнул Сесилии Рэмпарт, и она порхнула к его столу.

– Привет, – сказала она с придыханием. – Я Сесилия Рэмпарт, мое сценическое имя Сесилия Сан-Жуан. Или семилетние, по-вашему, не могут выступать в амплу инженю?

– К вам это не относится, – любезно ответил толстяк. – Позовите-ка сюда ваших родителей.

– Вы знаете, где находится земельный отдел?

– Конечно. Четвертый левый ящик моего стола. Это самый маленький отдел в нашем суде. Мы очень редко в него заглядываем.

Рэмпарты ринулись к толстяку. А он уже доставал бумаги из ящика.

– Вот проспект этого участка... – начал было Роберт Рэмпарт. – А, вы его уже нашли? Как вы догадались?

– Я давно здесь работаю, – ответил толстяк.

Документы оформили быстро. И Роберт Рэмпарт с семьей стали поселенцами.

– Но вы не сможете жить на этой земле, – предупредил толстяк.

– Это почему же? – спросил Рэмпарт. – С моим участком что-то не так?

– Похоже на то. На нем еще никто не смог поселиться. Заколдованное место.

– Что ж, постараюсь расколдовать. И либо поселюсь на нем, либо дознаюсь, где собака зарыта.

– Вряд ли это возможно. Последний поселенец записал эту землю на себя лет десять назад, но осесть на ней так и не смог. И толком не объяснил, что этому препятствовало. Помучился дня два и махнул рукой. Ну и лица у них потом бывают, скажу я вам!

Рэмпарты покинули здание суда, погрузились в автофургон и поехали искать свой участок. Остановились у дома Чарли Даблина, владельца скотного двора и пашни. Даблин, явно уже предупрежденный, встретил их широкой улыбкой.

– Я вас провожу, если не возражаете. Лучше идти пешком через мое небольшое пастбище. Ваш участок строго на запад.

Идти до забора было недалеко.

– Меня зовут Том Рэмпарт, – завел по дороге разговор шестилетний Том. – Но мое настоящее имя Рамирес. Я плод опрометчивого поступка моей матери, когда она несколько лет тому назад ездила в Мексику.

– Мальчик любит шутить, мистер Даблин, – произнесла в свою защиту Нина Рэмпарт. – Я никогда не была в Мексике. Но иной раз кажется, так бы и сбежала на край света.

– Понятное дело, миссис Рэмпарт. А как зовут парня помладше? – поинтересовался Чарли Даблин.

– Жиртрест, – ответил пятилетний Рэмпарт.

– Это, конечно, не настоящее имя?

– Одифакс, – буркнул Жиртрест.

– Одифакс, значит. Ты, Жиртрест, тоже любишь пошутить?

– Он делает успехи на этом поприще, мистер Даблин, – ответила Мэри Мейбл. – А ведь всего неделю назад он был одним из близнецов. Второго звали Скелет. Маман ушла промо-

чить горло и бросила детей без присмотра. А поблизости отирались бродячие собаки. Когда мама вернулась под градусом, знаете, что осталось от Скелета? Две шейных косточки и одна лодыжка. И все.

– Бедняга, – покачал головой Даблин. – Ну вот, Рэмпарт, за этим забором заканчивается моя земля и начинается ваша.

– А эта канава на моей земле? – показал рукой Рэмпарт.

– Эта канава и есть ваша земля.

– Прикажу ее засыпать. Она такая глубокая, хоть и узкая. Это опасно. А второй забор за ней очень неплох. Держу пари, нас ожидает за ним отличный кусок земли.

– Нет, Рэмпарт, земля за вторым забором принадлежит Холистеру Хайду. Ваша земля тем забором и заканчивается.

– Постойте, постойте, Даблин! Это какая-то чепуха. Мой участок – сто шестьдесят акров земли, значит одна его сторона должна быть полмили, не меньше. Ну и где мои полмили?

– Между двумя заборами.

– Но тут и восьми футов нет.

– Это видимость, Рэмпарт. Возьмите камень – вон их сколько – и бросьте на ту сторону.

– Бросать камни – мальчишеская забава! – взорвался Рэмпарт. – А мне нужна моя земля!

Детям, однако, забава пришлась по вкусу. Они набрали камней и давай швырять через расщелину. Камни вели себя очень странно. Летя в воздухе, уменьшались, а сделавшись размером с гальку, падали в расщелину, не достигнув противоположного края. Никто не сумел перебросить через нее ни одного камня. А уж швырять камни дети умели.

– Вы и ваш сосед поделили между собой свободную землю и втихую переставили свои заборы, – обвинил Рэмпарт Даблина.

– Ничуть не бывало, – добродушно улыбнулся Даблин. – Моя земля отмерена точно. Как и земля Хайда. Да и ваша тоже, если б вы могли ее измерить. Все это похоже на топологические трюки, ну, картинки с оптическим обманом. Отсюда дотуда – те самые полмили, но взгляд как-то где-то плурует. Это и есть ваша земля. Перелезайте через забор и осмотритесь.

Рэмпарт перелез через забор и приготовился прыгнуть в расщелину. Но передумал, увидев ее глубину. Вширь же она была не более пяти футов.

У забора лежало тяжелое бревно, заготовленное для углового столба. Рэмпарт с трудом поднял его за один конец. Подтащил к краю и перекинул через расщелину. Но бревно, не достав противоположного края, сорвалось вниз. Это было странно. Бревно длиной восемь футов должно было перекрыть пятифутовый проем. Но оно упало в расщелину и стало вращаться. Такое впечатление, что катится вперед, а на самом деле летит строго по вертикали вниз. Зацепившись за каменный выступ, бревно остановилось. Оно казалось так близко, что Рэмпарт мог бы, нагнувшись, коснуться его рукой. Выглядело оно теперь не больше спички.

– Что-то неладное с этим бревном. Или со всем миром? Или с моими глазами? Хотя голова вроде не кружится...

– Мы тут с соседом Хайдом придумали игру. Подходим каждый к своему забору. У меня с собой ружье на крупную дичь. Он стоит на своей стороне, вроде бы в каких-то восьми футах отсюда. Целюсь ему в лоб, а я меткий стрелок. Стреляю, даже слышу свист пули. И я бы его убил, если бы то, что видят глаза, соответствовало действительности. Но никакой опасности для Хайда нет. Пуля всегда попадает вон в то место, футах в тридцати ниже. Оно все в выщерблинах. Я вижу брызги осколков, а секунды через две слышу, как они погромыхивают о камни.

В небе кружил козодой – в народе его еще зовут ночным соколом. Прямо над расщелиной он взмыл, потом спикировал вниз и оказался ниже ее краев. Сперва козодой был хорошо виден на фоне противоположной стены. Но становился все меньше, неразличимее, словно до него ярдов триста-четырееста. Белые полосы на крыльях стали невидимы, да и сама птица

почти исчезла. Она была глубоко у другой стороны расщелины, ширина которой – всего-то пять футов.

За вторым забором появился человек. Это был, по словам Даблина, Холистер Хайд. Он шел улыбаясь и приветственно махал рукой, что-то кричал, но слов было не разобрать.

– Мы с Хайдом научились читать по губам, – сказал Даблин. – Так что довольно легко можем переговариваться через эту канаву. Ребятки, хотите сыграть в «кто первый струсит»? Хайд бросит в кого-нибудь увесистый камень. Кто отпрыгнет или присядет – трус.

– Я, я хочу! – закричал Одифакс.

И Хайд, крупный мужчина с сильными руками, швырнул устрашающего вида зазубренный камень в голову пятилетнего мальчика. Он бы, конечно, размозжил ее, если бы то, что видят глаза, соответствовало действительности. Но камень на лету уменьшился до размера гальки и упал в расщелину. Это было непонятно и странно. По обе стороны предметы имели свойственные им размеры, но, как только оказывались в воздухе над расщелиной, уменьшались в разы.

– Мы все будем играть? – спросил Роберт Рэмпарт-младший.

– Играйте, если хотите. Но, оставаясь здесь, внизу не окажешься, – сказала Мэри Мейбл.

– Кто не рискует, тот не получает удовольствия, – сказала Сесилия. – Это из рекламы одной эротической комедии.

И все пятеро младших Рэмпартов бросились в расщелину. Посыпались туда, как горох. Казалось, они бегут по отвесной стене. Возможно ли это? Расщелина шириной не больше двух шагов. Она их уменьшила, поглотила живьем. Вот каждый из них уже размером с куклу. С желудь. Прошло три минуты, пять, а они всё бегут в расщелине шириной пять футов. Чем ниже уходят, тем меньше становятся.

Роберт Рэмпарт перепугался и закричал. Его жена Нина зарыдала. Потом вдруг перестала.

– Что это я разревелась? – укорила она себя. – По-моему, это весело! Помчусь-ка я вдогонку!

Она нырнула вслед за детьми, уменьшилась, как они, в размерах и побежала, покрыв сотню ярдов в расщелине шириной пять футов.

А Роберт Рэмпарт, не тратя времени зря, поднял бучу. Вызвал к расщелине шерифа и дорожную полицию. Канавы похитила у него жену и пятерых детей, стенал он, и, возможно, убила их! А если кто-то вздумает смеяться над ним, произойдет еще одно убийство! Он воззвал к полковнику, возглавляющему местное управление Национальной гвардии, и возле расщелины организовали сторожевой пост. Прилетели даже два самолета. У Роберта Рэмпарта было одно качество: когда он начинал причитать во весь голос, людям ничего не оставалось, как спешить ему на помощь.

Он зазвал репортеров из города на «Т» и пригласил именитых ученых – доктора Великофа Вонка, Арпада Аркабараняна и Вилли Макджилли. Эта тройка всегда была под рукой: вечно они первыми оказываются там, где происходит что-то интересное.

Именитые ученые накинулись на феномен со всех четырех сторон, исследовали как внутреннее, так и внешние его свойства. Если у плоскости каждая сторона равна полумиле и они представляют собой прямые линии, в середине непременно должно что-то быть.

Были проведены аэрофотосъемки. Снимки показали, что Роберт Рэмпарт владеет самым прекрасным в стране участком площадью сто шестьдесят акров. Большую его часть занимает тучная зеленая долина. И находится участок именно там, где и полагается. Снимки с уровня земли показали красивую, шириной около полумиле полосу земли между усадьбами Чарли Даблина и Холистера Хайда. Но человек не фотокамера. Собственными глазами никто из ученых этой полосы не видел. Где же она?

Впрочем, сама долина не имела никаких странностей. Она была шириной полмили и от краев полого снижалась к центру. Перепад составлял футов восемьдесят, не больше. Внизу было тепло и привольно, свежие луга и пашни ласкали глаз.

Долина очень понравилась Нине и детям. Но кто-то на их земле уже поставил небольшое строение. Не то жилище, не то сарай. Его стен никогда не касалась малярная кисть. Хотя его покрасить – только испортить. Оно было сооружено из расколотых повдоль бревен, гладко зачищенных с помощью топора и ножа и склеенных между собой белой глиной. Снизу до половины строение было обложено дерном. Рядом с ним стоял бессовестный посягатель на чужую землю.

– Эй, послушайте! Что вы делаете на нашей земле? – спросил у мужчины Роберт Рэмпарт-младший. – Немедленно убирайтесь, откуда пришли! О, вы к тому же еще и вор. Вся ваша скотина наверняка краденая.

– Только вон тот теленок, черный с белым, – ответил Кларенс Малое Седло. – Виноват, не смог удержаться. А все остальные мои. Думаю, мне следует ненадолго остаться и помочь вам устроиться.

– А дикие индейцы здесь есть? – спросил Пончик Рэмпарт.

– Как вам сказать. Я раз в квартал напиваюсь и тогда становлюсь чуточку диким. Да еще братья осейджи¹⁹ из бара «Серая кобыла» шумят время от времени. Вот, пожалуй, и все, – ответил Кларенс Малое Седло.

– Надеюсь, вы не собираетесь выдать себя за индейца? – произнесла с вызовом Мэри Мейбл. – Потому что ничего не выйдет. Мы люди ушлые.

– Девочка, с тем же успехом ты можешь сказать этой корове, что она никакая не корова, – раз вы такие ушлые. А она знает, что она короткорогая корова и зовут ее Сладкая Вирджиния. А я индеец пауни по имени Кларенс. Хоть убейте меня, а это так.

– Если вы индеец, где ваш головной убор из перьев? Что-то я не вижу ни одного пера.

– От кого ты слышала про эти головные уборы? Кстати, еще ходят слухи, что у нас перья вместо волос между... Рассказал бы одну смешную историю, да не могу при такой маленькой девочке. А ну-ка ответь: чем докажешь, что ты белая девочка, раз у тебя на голове нет железной короны Ломбардии?²⁰ Или ты ждешь, что я без этой короны поверю, что ты белая девочка? И что твои предки приехали сюда из Европы пару столетий назад? Есть шестьсот индейских племен, но только сиу носят военный головной убор, причем только главные вожди, от силы двое-трое за раз.

– Ваше сравнение хромает, – укорила его Мэри Мейбл. – Мы встречали индейцев во Флориде и Атлантик-Сити. Они носят головные уборы из перьев, и я не думаю, что они – вожди сиу. А вчера в мотеле мы смотрели по телику, как массачусетские индейцы надели на президента головной убор из перьев и назвали его Великий Белый Отец. Или вы хотите сказать, все это обман? Так кто же будет смеяться последним?

– Если вы индеец, где ваш лук и стрелы? – спросил Том Рэмпарт. – Держу пари, вы даже стрелять не умеете.

– Вот тут ты прав, – согласился Кларенс. – Всего раз в жизни я стрелял из этой штуковины. В городе на «Т», в Боулдер-парке, было стрельбище для лучников. Кто хотел, брал напрокат лук со стрелами и стрелял в набитый сеном мешок. Я содрал всю кожу с руки и палец чуть не сломал, когда натянул тетиву и выстрелил. Совсем не умею обращаться с луком. И не верю, что из него вообще можно стрелять.

---

¹⁹ Индейцы осейджи (тж. осаджи, осажи), представители одного из равнинных племен.

²⁰ Корона Лангобардского королевства (568–774): покрытый драгоценными камнями золотой обруч шириной около 7 см, внутри которого находился железный обруч, по легенде представлявший собой гвоздь от креста Спасителя.

– Ладно, дети, хватит болтать, – обратилась к своему выводку Нина Рэмпарт. – Надо это строение очистить от мусора, чтобы можно было вселиться. Скажи, Кларенс, как-нибудь можно сюда пригнать наш автофургон?

– Ну конечно. Сюда ведет отличная грунтовая дорога. Она гораздо шире, чем кажется сверху. У меня в вигваме заныкана пачка банкнот в старом ночном горшке. Пойду заберу капусту и заодно наведу порядок. Дом не мыли и не убирали, наверно, лет семь, с тех пор, как приходили предыдущие новые владельцы. Но я сперва провожу вас наверх. И вы доставите сюда ваш фургон.

– Эй ты, старый индеец, ты все врешь! – крикнула из вигвама Сесилия Рэмпарт. – У тебя, оказывается, есть военный головной убор! Можно я его возьму?

– Я и не думал врать. Просто забыл про него, – сказал Кларенс Малое Седло. – Мой сын Кларенс Голая Спина прислал мне его из Японии. Шутки ради, много лет назад. Конечно, можешь его взять.

Дети принялись выносить мусор из дома и жечь на костре. А Нина Рэмпарт и Кларенс Малое Седло отправились к краю долины по грунтовой дороге, которая была гораздо шире, чем казалась сверху...

– Нина, ты вернулась! Я думал, что больше никогда тебя не увижу. – Роберт Рэмпарт чуть не разрыдался от счастья. – А где же дети?

– Как – где? В нашей долине. То есть в этой узкой расщелине. Ты опять меня нервируешь. Я вернулась за фургоном. Его надо перегнать туда и разгрузить. Роберт, нам нужна твоя помощь. И перестань, пожалуйста, болтать с этими нелепыми джентльменами.

И Нина поспешила к дому Даблина за фургоном.

– Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем этой смелой женщине въехать на машине в столь узкий проем, – сказал именитый ученый доктор Великоф Вонк.

– Знаете, как верблюд это сделал? – спросил Кларенс Малое Седло, взявшийся неизвестно откуда. – Он просто зажмурил один глаз, прижал уши к голове и пролез. Верблюд становится совсем маленький, когда зажмурит один глаз и прижмет уши. К тому же иголка в этом номере обычно с очень большим ушком.

– Откуда взялся этот псих? – подпрыгнув чуть не на ярд, возопил Роберт Рэмпарт. – Из земли начинает появляться черт-те что. Хочу мою землю! Хочу к моим деткам! Хочу к жене! Уф! Вон, кажется, она едет. Прошу тебя, Нина, не пытайся въехать в расщелину на груженом фургоне. Ты погибнешь или опять исчезнешь!

Нина Рэмпарт направила фургон к краю узкой расщелины на довольно большой скорости. Скорее всего, она зажмурила один глаз. Фургон уменьшился и покатил вниз. Он стал меньше игрушечной машинки, но поднял облако пыли, покрыв расстояние в несколько сот ярдов в расщелине шириной пять футов.

– Видите ли, Рэмпарт, это явление сродни феномену, когда что-то кажется большим и грозным, только наоборот, – стал объяснять именитый ученый Арпад Аркабаранян и, размахнувшись, бросил через расщелину камень.

Камень полетел в воздухе, завис в самой высокой точке, уменьшился до размера песчинки и упал в полуметре от края. Никто не может перебросить камень через участок, ширина которого восемьсот метров, пусть даже на глаз кажется, что всего полтора.

– Помните, Рэмпарт, – продолжал именитый ученый, – как иногда восходит Луна. Она выглядит огромной, кажется, покрыла треть горизонта, а на самом деле заняла всего полградуса. Чтобы заполнить весь оком горизонты, требуется поместить бок о бок семьсот двадцать таких Лун, и сто восемьдесят, чтобы соединить горизонт и точку зенита. В это просто трудно поверить. И точно так же трудно поверить, что этот участок в тысяча двести раз больше того, что видят наши глаза. Но деваться некуда – зафиксировано фотосъемкой.

– Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене, – уныло затынул Роберт Рэмпарт. – Какая-то чертовщина, я опять ее упустил...

– Знаете, что я вам скажу, Рэмпарт, – не выдержал Кларенс Малое Седло. – Мужчина, который дважды упустил свою жену, попросту ее недостоин. Даю вам срок до вечера. Не вернете жену – можете с ней распрощаться. Мне по сердцу пришлось ваши детки. Сегодня вечером один из нас будет локти кусать.

В конце концов вся компания отправилась в небольшую харчевню, что на дороге между Кливлендом и Осаждем. До нее было всего полмили. Протянись участок не на запад, а на восток – он бы находился в двух шагах от нее.

– Это явление – психический нексус в виде удлиненного купола, – начал именитый ученый доктор Великоф Вонк. – Он сохраняется благодаря бессознательному сцеплению по крайней мере двух мозгов, один из которых, более сильный, принадлежит человеку, умершему много лет назад. Этот нексус существует, по-видимому, чуть менее века. На протяжении следующих ста лет он постепенно будет слабеть. Нам известно из европейского, а также камбоджийского фольклора, что подобные зачарованные образования редко живут более двухсот пятидесяти лет. Человек, воплотивший в жизнь подобную вещь, обычно теряет к ней интерес, как и к другим мирским вещам, в течение ста лет после своей смерти. Это предельный танатопсихический срок. Как тактический прием, краткосрочный психонексус неоднократно применялся в военных целях. Покуда нексус в состоянии поддерживать собственное бытие, он порождает групповые иллюзии. Но, в общем, все это достаточно просто. Такой нексус не может обмануть ни птицу, ни кролика, ни камеру. Только человека. Погодные условия здесь ни при чем. Это чистая психология. Я очень рад, что сумел дать научное объяснение этому феномену, иначе лишился бы покоя.

– Это явление – геофизический дефект вкупе с ноосферическим, – высказал свое мнение именитый ученый Арпад Аркабаранян. – Ширина долины действительно полмили и в то же время всего пять футов. Если мы измерили верно, у нас получился двойственный результат. Разумеется, дело здесь в погодных условиях. Все явления в мире, включая сны, зависят исключительно от погоды. Обманулись именно камеры и животные, поскольку измерение им несвойственно. Только человек способен постичь истинную двойственность. Это должно быть довольно частое явление вдоль всего тектонического разлома, где земля либо приобретает, либо теряет полмили, которые непременно должны где-то возникнуть. Не исключено, что эффект наблюдается вдоль всей полосы Кросс-тибер²¹ от юго-востока Канзаса через центральную Оклахому до Техаса. Одни деревья наблюдаются дважды, другие не наблюдаются вообще. Человек в соответствующем состоянии ума сможет возделывать землю на этой полумиле, разводить скот, но на самом деле этой полумиле не существует. Очень похоже на один район в германском Шварцвальде²² – называется *Luftspiegelungthal*. То он есть, то отсутствует, в зависимости от обстоятельств и отношения к нему наблюдателя. Или Безумная гора в Моргане, штат Теннесси, она тоже иногда исчезает. А возьмите мираж Литтл-Лобо к югу от Пресидио в Техасе. Два с половиной года качали из него воду, пока он опять не обрел свойства миража. Двадцать тысяч баррелей воды выкачали! Я очень рад, что сумел дать научное объяснение этому феномену, иначе не видать мне покоя как своих ушей.

– Не понимаю, как ему это удалось, – пожал плечами именитый ученый Вилли Макджилли. – Кора кедра, дубовые листья и слово «питахауират». Это же невозможно! Когда мы в детстве делали себе тайное укрытие, то брали кору сизой ели, листья бузины и произносили

---

²¹ Часть полосы, отделяющей более лесистую часть юга Америки от почти безлесных Великих равнин.

²² Шварцвальд («Черный лес») находится на юго-западе Германии. Туда за приключениями ходили герои братьев Гримм и Гауфа.

слово «Боадицея»²³. Но здесь-то все три элемента неправильные. Я не могу найти научного объяснения. И это не дает мне покоя.

Вся компания двинулась обратно к расщелине. Роберт Рэмпарт продолжал канючить: «Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене».

Нина Рэмпарт выехала в фургоне из узкой щели, сквозь воротца дальше вдоль забора.

– Ужин готов, мы заждались, Роберт, – сказала она. – Какой из тебя поселенец! Боишься ступить на свою землю! Идем сейчас же, надоело ждать.

– Хочу мою землю. Хочу к детям. Хочу к жене, – канючил Роберт Рэмпарт. – Это ты, Нина? Ты вернулась. Никуда больше тебя не отпущу. Я хочу мою землю! Хочу к детям! И хочу знать, что весь этот ужас значит.

– Пришло время решить, кто в этой семье носит штаны, – твердо сказала Нина.

Она подняла мужа, перекинула через плечо, поднесла к фургону и затолкала внутрь. Потом с грохотом захлопнула дверцу (как будто десяток дверей сразу!), села за руль и на полной скорости покатила вдоль узкой расщелины, которая становилась с каждой минутой все шире.

Ух ты, расщелина явно приобретала нормальный вид! Скоро она совсем разгладилась, вытянулась в ширину и длину, как и положено долине. Психонексус в виде продолговатого купола приказал долго жить. Геофизический дефект вкупе с ноосферическим глянул правде в глаза, и ему тоже пришлось сдаться.

Семейство Рэмпарт наконец-то обрело свой надел. И узкая расщелина стала обычной зеленой долиной.

– Я потерял свою землю, – запричитал Кларенс Малое Седло. – Это была земля моего отца Кларенса Большое Седло, и я думал, что она станет землей моего сына Кларенса Голая Спина. Она выглядела такой узкой, что люди не видели, какая она на самом деле. И даже не пытались ступить на нее ногой. И вот теперь я ее потерял.

Кларенс Малое Седло и именитый ученый Вилли Макджилли стояли на краю Узкой долины, приобретшей истинные размеры – полмили в ширину. Взошла Луна. Она была такая большая, что заполняла собой треть небосвода. Чтобы соединить горизонт и зенит, самую высокую точку над головой, потребуется сто восемь таких монстров. Это невозможно себе представить. Однако вы сами можете в этом убедиться, поглядев на восход Луны и сделав расчеты.

– Держать за хвост енота и упустить его! – сокрушался Кларенс. – У меня была земля, прекрасная, бесплатная, но я потерял ее. Я вроде дурачка-простофили в комиксах или библейского Иова. Жизнь моя кончена.

Вилли Макджилли огляделся украдкой. Они были одни на краю долины шириной полмили.

– Давай-ка попробуем еще раз, – сказал он.

Они взялись за дело. Разожгли огонь и стали в него бросать – что бы вы думали? – всего-навсего кору вяза. Кто сказал, что она не подействует?

Подействовала! Дальняя сторона участка приблизилась ярдов на сто, и из долины донеслись встревоженные возгласы.

Подбросили в огонь листьев рожкового дерева, и участок стал еще уже.

Из расщелины уже слышались отчаянные вопли детей и взрослых. А счастливый голос Мэри Мейбл воскликнул: «Землетрясение! Землетрясение!»

– Будь всегда моя земля цветущая и зеленая – травой и деньгами. И всегда широкая-преширокая, – говорил Кларенс нараспев, как говорят индейцы пауни. – А если сунутся чужаки, стань расщелиной и раздави их, точно букашек!

---

²³ Тж. Боудикка. Жена Прасутага, вождя племени иценов, одного из кельтских племен. Воинственная королева кельтов.

Люди добрые, участок был теперь в ширину не больше сотни футов! И к воплям подземных жителей добавилось истерическое чихание заводимого мотора.

Вилли и Кларенс бросили в огонь остатки листьев и коры. Но слово? Слово?! Кто вспомнит слово?

– Корсиканатехас! – проорал во всю глотку Кларенс Малое Седло, надеясь провести богов.

Ответом ему была не только яркая молния – загремел гром, и полил проливной дождь.

– Чахикси!²⁴ – возблагодарил богов Кларенс Малое Седло. – Сработало. Этого я не ожидал. Все теперь наладится. А дождь сейчас ох как нужен!

И долина опять превратилась в расщелину шириной пять футов.

Фургон кое-как выехал из Узкой долины через воротца. Его сплющило так, что он стал не толще листа бумаги. И его пассажиры, вопящие дети и взрослые, превратились в одномерных существ.

– Она сию минуту захлопнется! – голосил Роберт Рэмпарт, превратившийся в картонного человечка.

– Нас раздавило, как букашек, – вторили ему сыновья. – Мы теперь тоньше бумаги.

– *Mort, ruine, ecrasement!*²⁵ – декламировала Сесилия Рэмпарт, чувствуя себя величайшей трагической актрисой.

– На помощь! На помощь! – сипела Нина Рэмпарт, но, увидев Вилли с Кларенсом, подмигнула и сделала хорошую мину при плохой игре. – Это нас после застолья так плющит, сами знаете, новоселье!

Но Мэри Мейбл не забыла предупредить:

– Никогда не выбрасывайте бумажных кукол. Вдруг окажется, что это мы, Рэмпарты?

Автофургон еще почихал немного и, подпрыгивая, выехал на земную поверхность. Но вечно это продолжаться не могло, и машина понемногу начала увеличиваться в размерах.

– Уж не перестарались ли мы с тобой, Кларенс? – спросил Вилли Макджилли. – Что сказал один плоскоземелец другому?

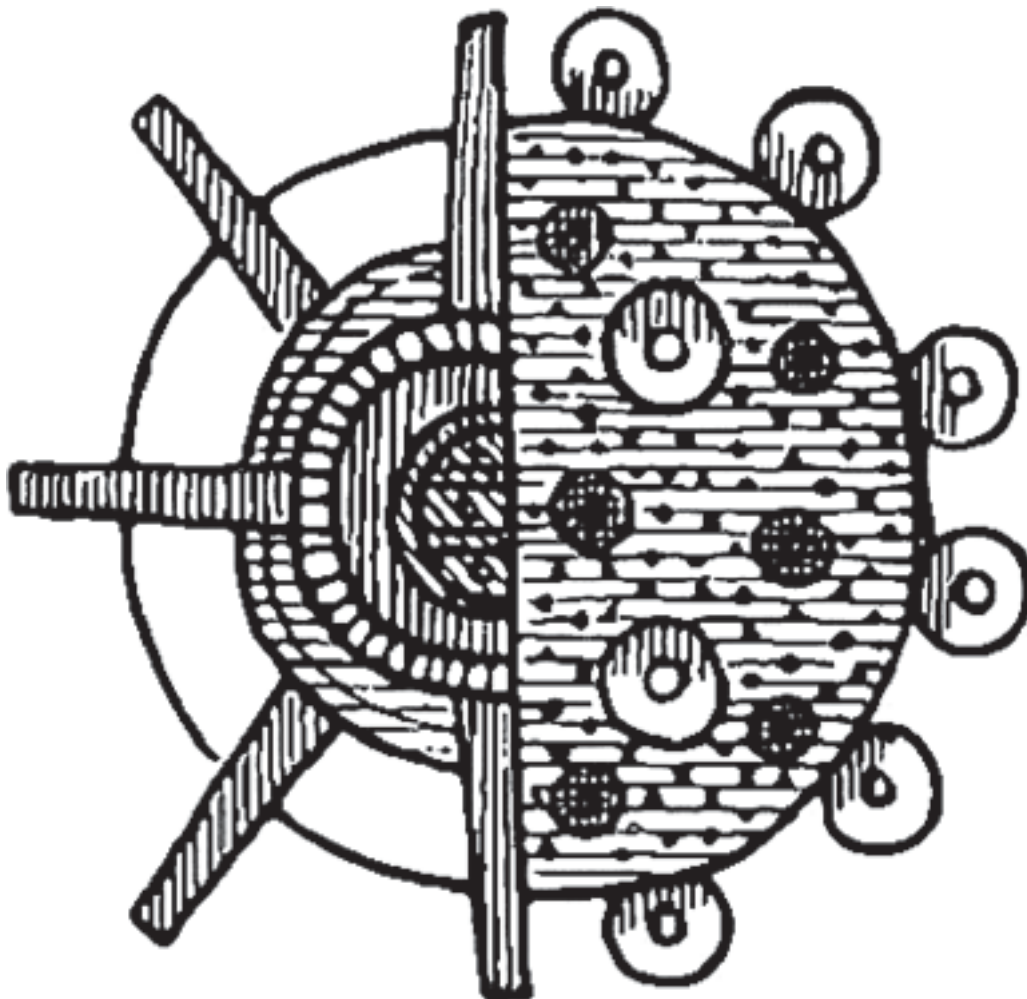
– Никаких слухов насчет размерности не ходило, – сказал Кларенс. – Не волнуйся, Вилли, все в порядке. Смотри, фургон уже шириной дюймов аж восемнадцать. А выедет на шоссе, и все они опять станут такими, как были. Ну а я в следующий раз знаешь что сделаю? Брошу в огонь прессованные опилки. Интересно, кто тогда будет смеяться последним?

---

²⁴ Чахиксичахикс (мужчины из мужчин) – так называли себя индейцы пауни.

²⁵ Смерть, гибель, сокрушение! (фр.)

Ни острова из камней в небесах

Рассказ «Nor Limestone Islands» завершен в сентябре 1970 г. и опубликован в антологии «Universe 1» под редакцией Терри Карра в 1971 г. Включен в авторский сборник «Does Anyone Else Have Something Further to Add?» («Кто-нибудь хочет что-то добавить?», 1974).

Предисловие Майкл Бишоп

Читаешь Лафферти и сразу понимаешь: он *sui generis* – единственный в своем роде. Таких больше нет. Его проза искрится, завораживает и пьянит, он настолько уникален, что, возможно, стоило бы придумать отдельный жанр: «Лаффертитюра».

Возьмем хотя бы первый абзац рассказа «Ни острова из камней в небесах» – рассказа, выросшего из интереса автора к геологии, минералогии, работе с камнем, изучению легенд, к архитектурным и литературным лапидариям. (Его глубокие познания во множестве всевозможных наук, теорий и практик поистине обезоруживают.) Итак, абзац гласит: «Лапидарий – это мастер, который занимается огранкой, шлифовкой и гравировкой небольших камней. Также это может быть писец, который работает в несколько сумбурной манере, украшая свои произведения мозаикой из каменной крошки».

С помощью этого поэтического описания наш эльф из Оклахомы не только дает определение термина, который знаком далеко не всем, но еще и сравнивает сложную, почти ювелирную технику создания архитектурной мозаики с литературным методом, который использовал он сам, когда писал этот рассказ.

Что говорит продавец известняка городским чиновникам? «Мы гостям всегда рады, да только почти никто к нам не заглядывает. В настоящее время моя страна [Небесная Штуцамуца] находится *милях в трех отсюда*» [курсив мой].

Этот пассаж напоминает мне «Путешествие в Лапуту», третью часть моей самой любимой книги – «Путешествия Гулливера». Летающие острова Лапуты, управляемые магнитами, впервые поразили мое голодное подростковое воображение в Талсе, штат Оклахома; и было это около 1958 года.

Возможно, еще и поэтому, составляя в 1984 году антологию «Годы световые и темные: научная фантастика и фэнтези нашего времени»²⁶, Лафферти я представил рассказом «Ни острова из камней в небесах». Предисловие там было такое:

«Может ли девчонка весом в сто пять фунтов за шесть часов соорудить Розовую пагоду в тридцать миллионов тонн? На этот вопрос ответит Р. А. Лафферти в своей захватывающей „статье“ о летающих известняковых островах и бесстрашной мисс Фосфор Маккейб, чьи поразительные фотографии Небесной Штуцамуцы (см. илл. I–XXII), к сожалению, не представлены.

Лафферти знаменит – точнее сказать, злополучно знаменит – неизменным невероятием своих идей и необычностью подачи материала. Его проза узнаваема сразу, его не спутаешь ни с кем, чего, к сожалению, не скажешь о многих других писателях. Казалось бы, столь яркая индивидуальность должна вызывать желание написать на него пародию. Но работы Лафферти настолько оригинальны, что любая попытка его пародировать превращается в бледное копирование его стиля – то есть в своего рода дань уважения автору.

Новая волна? Старая волна? Какая разница! Лафферти взлетел на такой высокий и причудливо изогнутый гребень волны, справиться с которым способен только он сам».

---

²⁶ Англ. «Light Years and Dark: Science Fiction and Fantasy Of and For Our Time».

Сегодня я могу сказать почти то же самое. Есть и те, кому удастся написать нечто лучшее и большее, чем сносная пародия-подражание или дань уважения Лафферти, – например, Нил Гейман. Но для этого автор должен понимать, как же сложно создавать такие рассказы и почему никто даже не пытается следовать путем нашего уникального Рафаэля Алоизиуса Лафферти.

Ни острова из камней в небесах²⁷

Лапидарий – это мастер, который занимается огранкой, шлифовкой и гравировкой небольших камней. Также это может быть писец, который работает в несколько сумбурной манере, украшая свои произведения мозаикой из каменной крошки.

А как назвать человека, занимающегося обработкой громадных камней?

Возьмем, к примеру, небольшой *lapillus*, то есть камень:

Возникновение живописи в Греции связано с определенными историческими личностями, между тем как происхождение скульптуры теряется в тумане мифов. Подлинная история этого вида искусства начинается около 600 г. до н. э. Считалось, что его подарили людям боги, поскольку принято было утверждать, будто первые статуи упали с неба.

«*Statuaria Ars. Скульптура*». Харперовский словарь классической литературы и древностей

Поставим на место этот краеугольный камушек, хоть в нем и содержится неточность: на самом деле с неба упали не завершённые статуи, а нечто иное.

Теперь установим еще один камушек (точной цитаты нет, высказывание принадлежит Чарльзу Форту²⁸ или кому-то из подражателей):

«Некий ученый отказывался верить, что с неба упали куски известняка, хотя двое фермеров видели, как они падают. Это невозможно, утверждал ученый, поскольку в небе нет известняка. (А спроси его о китах в небе, что бы он стал делать?)».

Положим этот камушек мудрости в отведенный ему уголок и посмотрим, какие еще у нас найдутся камушки.

Торговец известняком представил свое предложение на рассмотрение городской закупочной комиссии. Представил он его плохо, поскольку был плохим торговцем. В его пользу говорили только цена (вдесятеро с лишним ниже рыночной) и превосходное качество. Однако внешне торговец известняком не производил благоприятного впечатления. Грудь его была открыта взорам (и притом невероятно объемиста). Вся его одежду составляли коротенькая распашная безрукавка сверху и запахнутая на талии ткань снизу. Ноги его были обуты в крепиду, иначе говоря – сандалии, как у Гермеса, сшитые, по всей видимости, из буйволового кожи; нелепое пижонство. Кожа и волосы у него потемнели от солнца почти до черноты, но, судя по корням волос и кожи, прежде и то и другое было светлым. Золотистая борода (как и весь торговец, впрочем) была припорошена мелкой не то меловой, не то каменной пылью. Человек сильно потел, и от него разило. Разило известняком, и острозаточенной бронзой, козами, клевером, и медом, и озоном, чечевицей, и простоквашей, и навозом, и острым сыром.

– Нет, мы не желаем с вами торговать, – сказал мэр города. – Есть другие фирмы, солидные, с долгой историей.

– У нашей фирмы долгая история, – отвечал торговец. – Мы торгуем, э-э... с того же самого лотка уже девять тысяч лет.

– Ерундистика! – возмутился уполномоченный по канализации и уборке улиц. – Вы даже адрес фирмы не указали и не подали официальную заявку!

---

²⁷ Перевод М. Д. Лахути.

²⁸ Чарльз Форт (1874–1932) – американский исследователь и каталогизатор паранормальных явлений, предтеча уфологического движения.

– Наш адрес – Штуцамуца, – сказал торговец. – Другого дать не могу. Нет у нас другого адреса. Официальную заявку я подам, вы мне только покажите, как это делается. Предлагаю триста тонн лучшего мрамора, по размеру, указанному заказчиком, с доставкой и установкой, белый или многоцветный, наивысшее качество гарантировано. Срок доставки – один час, и всего за триста долларов или триста бушелей дробленого зерна.

– Соглашайтесь, соглашайтесь! – вскричала мисс Фосфор Маккейб. – Джентльмены, мы вас для того и выбирали, чтобы заключать от нашего имени выгодные сделки. Умоляю, не упустите такой прекрасный случай!

Мисс Фосфор была фотографом и притом к каждой бочке затычкой.

– Помолчите, девушка, не то вас выведут из зала! – оборвал ее уполномоченный по паркам и детским площадкам. – Ждите спокойно своей очереди и не лезьте в чужие дела. Боюсь представить, что начнется, когда мы будем рассматривать вашу заявку! Что же это такое, откуда столько психопатов на нашу голову?

– Репутация у вас подкачала, господин хороший, – заметил уполномоченный по финансам. – И это учитывая, что о вас и вообще мало кто слышал. Поговаривают, что мрамор ваш ненадежен – тает, словно льдинки. Ходят слухи даже, что вы каким-то образом причастны к позавчерашнему страшнейшему граду.

– А, так это у нас праздник небольшой случился, – ответил торговец. – Доставили партию камня в Арканзас, получили за него пару дюжин бутылок тонтитаунского вина и все разом уговорили. Градом никого не побило, и ущерба тоже никакого не было. О, градины были размером с баскетбольный мяч, скажите, да? Но мы же смотрели, куда бросаем. Сами посудите: когда это бывало, чтобы такой сильный град ничего не повредил?

– Мы не допустим, чтобы нас выставили дураками! – сказал уполномоченный по учебным заведениям и внешкольной работе. – Нас и так за последнее время не раз выставляли дураками, и не всегда по нашей вине. И мы не можем себе позволить покупать известняк для такого масштабного проекта неизвестно у кого.

– А не могли бы вы мне достать сто двадцать тонн хорошего розового гранита? – спросил, улыбаясь, розоватый человечек.

– Нет, это совсем другой остров, – ответил торговец известняком. – Я им передам, если встречу.

– Мистер Чалупа, я вообще не понимаю, что вам сегодня здесь понадобилось, – строго сказал мэр улыбающемуся розоватому человечку. – По крайней мере, ждите своей очереди, а в чужие дела не суйтесь. Что-то к нам на открытые заседания зачастили всякие ненормальные.

– Вы-то кругом в выигрыше будете, – убеждал комиссию торговец. – Я камень и привезу, и на место поставлю. Если не устроит – оставлю вам камень бесплатно или с собой заберу, как скажете. Только в случае вашего полного одобрения вы мне выплатите триста долларов – или триста бушелей дробленого зерна.

– Я хочу с вами поехать в вашу страну! – выпалила мисс Фосфор Маккейб. – То, что я о ней слышала, меня крайне заинтересовало. Хочу написать об этом статью с фотографиями для журнала «Географическое наследие». Далеко сейчас ваша страна?

– Ну хорошо, – сказал торговец. – Я вас подожду. Отправимся, как только я закончу сделку и вы уладите свои дела. Мы гостям всегда рады, да только почти никто к нам не заглядывает. В настоящее время моя страна находится милях в трех отсюда. Последний шанс, джентльмены: я вам предлагаю мрамор высокого качества по самой благоприятной цене, дешевле нигде не найдете, хоть двести лет проживите. А я вам всем от души желаю дожить до двухсот. Мы всем рады и всем желаем двести лет прожить, самое меньшее.

– Категорически нет! – сказал мэр. – Над нами весь штат смеяться будет. Что это за страна такая, до которой всего три мили? Категорически нет. Вы попусту тратите свое и наше время, господин хороший.

– Не-не-не, и речи быть не может! – сказал уполномоченный по канализации и уборке улиц. – Что напишут в газетах, если станет известно, что мы покупаем мрамор чуть ли не у инопланетян с летающих тарелочек?

– Отказать, отказать! – подхватил уполномоченный по паркам и детским площадкам. – Нас избирали, чтобы мы вели дела города экономно и с достоинством!

– Ладно, ладно, – сказал торговец. – Не всякий стилобат с первого раза продать получается. Доброго вам дня, господа уполномоченные. А вы, барышня, не спешите, я вас подожду.

Торговец вышел за дверь, и казалось, что за ним тянется шлейф каменной пыли.

– Ну и денек! – простонал уполномоченный по учебным заведениям и внешкольной работе. – Что за вереница скоморохов! Но уж этот всех переплюнул.

– Я в этом не так уверен, – буркнул мэр. – Следующая-то на очереди – мисс Фосфор Маккейб.

– Ах, я не отниму у вас много времени, – воскликнула Фосфор. – Мне всего лишь нужно разрешение построить пагоду на холме в тридцать акров, который мне достался в наследство от бабушки. Мешать она никому не будет, и коммуникации к ней подводить не нужно. Зато красиво!

– А зачем вам пагода? – поинтересовался уполномоченный по канализации и уборке улиц.

– Фотографировать! И еще мне просто хочется построить пагоду.

– Какую именно пагоду? – осведомился уполномоченный по паркам и детским площадкам.

– Розовую.

– Какого размера? – спросил уполномоченный по учебным заведениям и внешкольной работе.

– На тридцать акров. А высотой – четыреста футов²⁹.

– Зачем такую здоровенную? – удивился мэр.

– Чтобы она была в десять раз больше Черной пагоды, которая в Индии. Будет очень красиво, настоящая достопримечательность.

– А деньги на строительство у вас есть? – спросил уполномоченный по канализации и уборке улиц.

– Нет, денег у меня практически нет. Если в «Географическом наследии» опубликуют мою иллюстрированную статью «С фотоаппаратом и каноэ по небесным высотам Штуца-муцы», кое-что заработаю. А еще я уже несколько минут шелкаю ваши, господа, фотопортреты в непринужденной обстановке. Может, получится их продать в «Комик уикли», только нужно сочинить забавные подписи. Что касается денег на строительство, так я уж что-нибудь придумаю.

– Мисс Маккейб, ваша заявка будет отозвана, или заморожена, или как там еще говорится; в общем, отложена в долгий ящик, – объявил мэр.

– Что это значит?

– Сам не знаю. Уполномоченный по вопросам права сегодня отсутствует, но он всегда так говорит, когда мы хотим немного придержать денежки.

– Это значит, мисс Маккейб, приходите снова через недельку, – объяснил уполномоченный по канализации и уборке улиц.

– Ладно, – согласилась мисс Фосфор Маккейб. – Все равно я до тех пор не начну строить Розовую пагоду.

---

²⁹ То есть площадью 12 га и высотой около 120 м.

Теперь приспособим в еще один угол такой вот камушек необычной формы:

Когда в семнадцатом веке простые моряки открыли острова Полинезии, то воображали, будто им явилась Земля обетованная. Зеленые острова, синее море, золотые пляжи, золотое солнце и смуглые девушки! Бесподобные фрукты, бесподобная рыба, жареный поросенок и запеченная птица невысказанной вкусноты, хлебные деревья, вулканы, всегда идеальная погода, райские девы, о каких говорится в Коране, песни, лютни и музыка прибора! Поистине, райские острова.

Но и они меркнут по сравнению с менее известным, раньше начавшимся и по сей день еще не завершенным открытием куда более отважными путешественниками Летучих островов (они же Травертиновые)³⁰. Девушки на Летучих островах более светлокотые (за исключением черных красавиц с Нефритовых Доломитов). К тому же они отличаются от полинезийек острым умом, и с ними намного интересней общаться. Притом они красивее и крепче физически, и народ их более склонен к искусству. И нравом они живее. Ох, намного! А природа Летучих островов просто не поддается описанию. Ни Полинезия, ни Эгейские, ни Антильские острова не сравнятся с ними яркостью красок и красотой пейзажа. При этом жители Травертиновых островов настолько дружелюбны! Может, и к лучшему, что о них почти ничего не знают. Пожалуй, знакомство с ними нам не по силам.

Гарольд Блотер. Фактическая основа легенды о рае

Присмотритесь к этому камушку, прежде чем мы двинемся дальше. Вы уверены, что как следует разглядели его форму?

И еще один, совсем крошечный камушек – поместим его вот сюда, а то тут как-то пусто-вато. Всего лишь цитата:

Высекая надпись на камне, мы не слишком скрупулезно придерживаемся истины.

*Доктор Джонсон*³¹

Мисс Маккейб в самом деле побывала на родине торговца известняком и написала об этом иллюстрированную статью «С фотоаппаратом и каноэ по небесным высотам Штуцамуцы». У нас нет возможности привести здесь потрясающие, ослепительные, радующие душу цветные снимки, но вот по крайней мере несколько отрывков сопроводительного текста:

«Штуцамуца – известняковая страна такой невероятной белизны, что глаза болят от восторга. Рядом с этой сверхбелой все прочие цвета воспринимаются особенно ярко. Нет и не может быть больше нигде такого синего неба, как то, что окружает Штуцамуцу каждый день, за редкими исключениями (см. илл. I и II). Не бывает таких зеленых лугов и воды такой серебристой (илл. IV и V). Водопады сияют всеми оттенками радуги, и ярче всех – Закрайный водопад, обрывающийся круто вниз (илл. VI). Нигде больше не найдешь таких разноцветных скал – синих, черных, розовых, рыжих, красных, зеленых, и все это – на той же основе, белее белого (илл. VII). И солнца такого не найти. Нигде больше не светит оно так, как здесь.

По причине средней высоты расположения Штуцамуцы (у читателей глаза на лоб ползут, когда я поясню, отчего речь идет именно о *средней* высоте), здешние жители, как мужчины, так и женщины, отличаются увеличенным объемом грудной клетки. Они – словно персонажи мифов и преданий. Редкие гости извне единодушны в своем изумлении. „О! – восклицают

---

³⁰ *Травертин* – белый известняк, известняковый туф.

³¹ *Сэмюэль Джонсон* (1709–1784) – английский литературный критик, лексикограф и поэт, составитель знаменитого толкового словаря.

чужестранцы. – Таких девушек просто не может быть!“ И тем не менее они есть (см. илл. VIII). „И давно все это происходит?“ – спрашивают приезжие. Письменная история Штуцамуцы насчитывает девять тысяч лет, а происходит все это столько, сколько существует мир.

Обитатели Штуцамуцы великолепно поют – быть может, благодаря объему грудной клетки. Поют они звучно, от души, и чарующе прекрасно. Излюбленные музыкальные инструменты – обычные флейты и волынки (мощные легкие позволяют извлекать поразительные звуки из волынок), также лиры и бубны, а кроме того – громовой барабан (илл. IX) и тринадцатифутовая труба (илл. X и XI). Едва ли жители других мест смогли бы выдуть музыку из такой трубищи.

Возможно, благодаря все тому же увеличенному объему грудной клетки жители Штуцамуцы так пылки. От их поистине олимпийского жизнелюбия захватывает дух – и в то же время сам начинаешь дышать полной грудью. Я, тщедушная девчонка, с изумлением наблюдала блистательные, полнокровные взаимоотношения их мужчин и женщин (илл. X–XIX). Вдобавок здешние жители мудры, остроумны и неизменно приветливы.

Говорят, поначалу на Штуцамуце совсем не было почвы. Жители обменивали первоклассный известняк, мрамор и доломит на равное количество почвы, пусть даже бесплодной глины и песка. Почву они насыпали в расщелины и там высаживали растения. За несколько тысяч лет на Штуцамуце зазеленели бесчисленные террасы, холмы и долины. Сейчас здесь в изобилии произрастают виноград, оливки и клевер. Вино, масло и мед радуют сердца людей. На лугах чудесного сине-зеленого клевера (см. илл. XX) кормятся пчелы и пасутся козы. На острове есть две породы коз. Луговых коз разводят ради молока, сыра и шерсти, на более крупных диких горных коз охотятся и употребляют в пищу их мясо, отличающееся своеобразным вкусом. Жители Штуцамуцы шьют одежду из шкур, а также вяжут из козьей шерсти. Здесь не принято слишком кутаться, хотя при внезапном увеличении высоты бывает весьма прохладно.

Зерновые на Штуцамуце почти не выращивают, зерно больше выменивают. Основное занятие здешних жителей – добыча камня. В громадных карьерах порой находят удивительные окаменелости – например, целую окаменевшую тушу кита (вымершего базилозавра, он же эоценовый кит) (см. илл. XXI).

„Если это правда кит – значит здесь когда-то было море?“ – сказала я одному из своих широкогрудых друзей. „Конечно! – ответил он. – Известняк образуется только в океане“. – „А как же тогда все это поднялось на такую высоту?“ – „Это пусть геологи и гифологи³² разбираются“, – ответил мой новый друг.

Самое замечательное свойство водоемов на Штуцамуце – изменчивость. Озеро может возникнуть за один день, а на другой день – просто вылиться из-за наклона местности. Если жители возьмут курс на дождь, может случиться сильнейший ливень. Съёмка внезапно переполненных, бурлящих рек – чистый восторг для фотографа. Порой за несколько минут Штуцамуца покрывается льдом. Все ликуют, кроме гостя, который не догадался запастись подходящей экипировкой. Красиво до невероятности и так же невероятно холодно. Лед раскалывают на огромные глыбы и сбрасывают вниз, просто для забавы.

Но все прочие красоты забываешь вмиг, когда видишь водопады, играющие в лучах солнца. И удивительней всех – Закрайный водопад. Ах, увидеть, как он рушится вниз со Штуцамуцы (см. илл. XXII), в практически бесконечном падении – тридцать тысяч футов, шестьдесят тысяч, превращаясь в туман, дождь, снег или град, в зависимости от погоды... Увидеть радугу в брызгах, исчезающую далеко-далеко у тебя под ногами!

Есть одна особенно живописная скала розового мрамора у северной оконечности острова (временно северной оконечности). „Нравится? Забирай!“ – сказали мои новые друзья. К этому я и вела, и на это надеялась».

³² Гифос (греч.) – гипс.

Да-да, мисс Фосфор Маккейб написала отличную статью для журнала «Географическое наследие», и снимки у нее вышли замечательные. Однако статью в журнале не приняли. Редактор сказал: выводы мисс Фосфор Маккейб совершенно неприемлемы.

– На самом деле место, где я побывала, неприемлемо, – ответила мисс Фосфор. – Я провела там шесть дней, сделала снимки и составила подробный рассказ.

– А у нас такие штуки не пройдут, – сказал редактор.

Отчасти его отпугнули пояснения мисс Фосфор Маккейб по поводу того, что имеется в виду под средней высотой расположения Штуцамуцы (весьма немаленькой) и что означают слова «внезапное увеличение высоты».

И вот еще один камушек нелепой формы. На первый взгляд кажется, его никак не пристроишь в оставшийся свободным промежуток. Но это обман зрения: камушек отлично укладывается на место. Человек преклонного возраста вспоминает о том, что наблюдал в течение своей долгой жизни синоптика.

Еще мальчиком я увлекался облаками. Мне чудилось, что иные из них сохраняют свою форму, появляясь вновь и вновь, и что одни облака плотнее, вещественнее других.

Позже, в университете, я взялся изучать метеорологию. У одного нашего студента были на первый взгляд безумные воззрения. Он придерживался теории, что некоторые облака на самом деле не состоят из мельчайших капель воды, а представляют собой каменные острова, парящие в небе. Он полагал, что всего таких островов около тридцати и большинство их состоит из известняка, хотя кое-какие – из базальта, песчаника и даже сланца. По крайней мере один, – так он утверждал, – состоит из жировика, или мыльного камня.

Этот студент говорил, что летучие острова бывают иногда огромными. Один из них не меньше пяти миль в длину. Ими искусно управляют, маскируя под природные явления. Так, известняковые острова путешествуют вместе с массами белых кучевых облаков, базальтовые – с грозowymi тучами, и так далее. Иногда такие острова спускаются на землю – у каждого якобы имеются несколько гнездовий в малонаселенных местах. Он уверял, что на летучих островах живут люди.

Мы немало веселились за счет нашего чудака-студента, Полоумного Энтони Тамли. Говорили между собой о том, как безумны его идеи. Энтони и правда в конце концов поместили в психиатрическую лечебницу. Печальная история, но ее трудно вспоминать без смеха.

Однако спустя более пятидесяти лет работы синоптиком я пришел к выводу, что Энтони Тамли был во всех отношениях прав. Теперь об этом знаем и я, и еще несколько ветеранов-синоптиков, но открыто признаться боимся, даже самим себе. Мы выработали нечто вроде условного кода. «Киты в небе» – кодовое название данного исследования. Мы делаем вид, будто все это в шутку.

Над нашей страной постоянно курсируют примерно тридцать каменных островов (а всего их в мире, возможно, более сотни). Их можно засечь радаром, время от времени их кто-нибудь видит. Форма островов порой меняется (насколько мы поняли, от них иногда отделяют некоторое количество камня и каким-то образом перемещают его на землю). Острова эти известны, и у них есть названия.

Их даже время от времени посещают люди, отличающиеся особыми чертами характера: тут требуется некое сочетание простоты, готовности

верить в необычное, ум и своеобразное духовное сродство. В сельской местности отдельные жители и даже целые семьи посредством летучих островов переправляют друг другу послания и грузы. Одно время вызывало удивление, что в болотистых районах Луизианы люди мало пользуются баржами Берегового канала³³ для доставки товаров на рынок. «Чем эти баржи лучше привычных нам каменных островов? – спрашивали в ответ местные жители. – Ходят ненамного чаще и ненамного быстрее и не оказывают таких же услуг за центнер риса. К тому же островитяне – наши друзья, кое-кто даже породнился с нами, каджунами»³⁴. Подобное сотрудничество встречается и кое-где еще.

Многих островитян прекрасно знают в местностях, где пролегает их постоянный маршрут. Эти люди очень красивы мощной, несколько грубоватой красотой, добродушны и жизнерадостны. Они ведут торговлю камнем, обменивая строительный камень выдающегося качества на зерно и другие продукты.

Наука не в состоянии объяснить, каким образом каменные острова летают по небу. Но они летают, и это не тайна по крайней мере для миллиона человек.

Сейчас я слишком богат, чтобы меня могли упрятать в сумасшедший дом (хотя состояние нажил, занимаясь довольно-таки безумной торговлей; расскажи кому, мало кто поверит). И смеяться в открытую над стариком не станут, разве что улыбнутся моим чудачествам. Работу синоптика, много лет служившую мне прикрытием, я оставил (однако по-прежнему люблю эту профессию).

Что знаю, то знаю. Есть многое на высоте пятнадцати миль над уровнем моря, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам.

Хэнк Погосий. Воспоминания о пятидесяти двух годах работы синоптиком (опубликовано за счет автора, 1970)

Мисс Фосфор Маккейб написала для «Географического наследия» еще одну статью с потрясающими фотографиями и броским заголовком: «Тогда объясните, как мне это удалось, или Строительство Розовой пагоды».

«Розовая пагода уже построена полностью, не считая разных дополнений, которые я намерена добавлять, когда захочется и когда мои друзья высокого полета окажутся поблизости. Эта пагода – самое большое здание в мире и, по моему глубокому убеждению, самое красивое. Притом на вид оно не кажется тяжеловесным, наоборот – выглядит легким и воздушным. Приходите взглянуть! Все приходите! Если не сможете приехать лично, полюбуйтесь цветными фотографиями (илл. I–СХХІХ). Это удивительное здание может дать ответы на тысячу вопросов, вы только раскройте пошире глаза и уши.

Глядя на древние мегалиты, часто задают вопрос: как исхитрились поставить друг на друга стотонные каменные глыбы, да еще так аккуратно, что между блоками не войдет даже лезвие ножа? Запросто! Никто не станет строить из стотонных глыб – ну если только для украшения. На самом деле ставят одну тысячетонную глыбу, а стыки просто намечают для виду. При строительстве моей Розовой пагоды использовались блоки розового известняка весом до трехсот тысяч тонн (см. илл. ХХІ).

---

³³ *Береговой канал* (англ. Intracoastal Waterway) – система канализированных водных путей вдоль побережья Мексиканского залива и Атлантического океана на юге и востоке США, считается самым протяженным в мире судоходным каналом (хотя, строго говоря, не является одним непрерывным водным путем).

³⁴ *Каджуны* (кейджуну) – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная главным образом в южной части штата Луизиана, именуемой Акадиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи.

Остров спускают на землю в нужном месте, откалывают блок требуемого размера (и сколько при этом сыплется осколков, вы себе не представляете). Затем остров отходит в сторону, а каменная глыба остается.

Как еще, по-вашему, это можно сделать? Как я подняла замковый камень весом сто пятьдесят тонн на высоту четырехсот пятидесяти футов? С помощью пандуса? Да бросьте, над вами все лошади ржать будут. Башенки вокруг замкового камня и колоннада под ним – настоящее каменное кружево, а сам камень устанавливался последним. Его не вкатишь по пандусу, да и некуда там пандус пристроить. Все было сделано за полдня однажды в субботу, и вот перед вами серия иллюстраций, на которых отлично виден весь процесс. Тут был задействован летучий остров. От него откалывались куски по мере надобности. Я вам говорю, нет никакой другой возможности девчонке весом в сто пять фунтов за шесть часов соорудить Розовую пагоду в тридцать миллионов тонн. Этой самой девчонке необходим летучий остров со скалой из розового известняка на северной оконечности, а еще нужно дружить с островными жителями.

Приезжайте, пожалуйста, посмотрите на мою Розовую пагоду! Прохожие и официальные лица отворачиваются от нее, будто не видят. Они говорят, что такого сооружения существовать не может, а значит, его и нет. Но оно есть! Вы его увидите своими глазами (или на иллюстрациях к этой статье, особенно IV, IX, XXXIII и LXX). Пагода очень красивая (см. илл. XIX, XXIV, V, LIV). А лучше приезжайте все-таки посмотреть на нее вживую!»

Мисс Фосфор Маккейб сделала поразительную статью, но в журнале «Географическое наследие» печатать ее отказались на том основании, что подобного сооружения существовать не может. Приехать посмотреть на Розовую пагоду они тоже отказались, а жаль, ведь это самая большая и самая красивая постройка на земле.

Она и сейчас там стоит, на тридцатиакровом холме у северной окраины города. И вы еще не слышали последний камушек! Недавнее зловерное дополнение, хотя и не окончательное; мисс Фосфор клянется, что не окончательное.

Вскоре после завершения строительства прилетел, хлопая хлипкими крыльями, неуклюжий вражина и установил на главный замковый камень еще один, совсем малюсенький камушек (такие зовутся «зерно сомнения»), на котором кособокими буквами было накорябано:

– Не верю я в двухголовых телят, —
И всезнайки, и лохи, все так говорят.

Скажи, что земля – пустотелый орех, —
Услышишь бесчисленных скептиков смех.

– Знать не хочу никаких Атлантид
И прочих Лемурий и Пацифид.

Зачем эти эльфы? Пилоты НЛО?
От них нам не холодно и не тепло.

Не верю ни в живопись древних людей
(Все выдумал битый в трактире халдей),

Ни в ерунду о летучих китах,
Ни в острова из камней в небесах.

*Ненародная баллада*³⁵

Этот корявый камушек с балладой, на мой взгляд, изуродовал всю пагоду. Но мисс Маккейб обещает, что его уберут, как только ее странствующие друзья снова навестят здешние края.

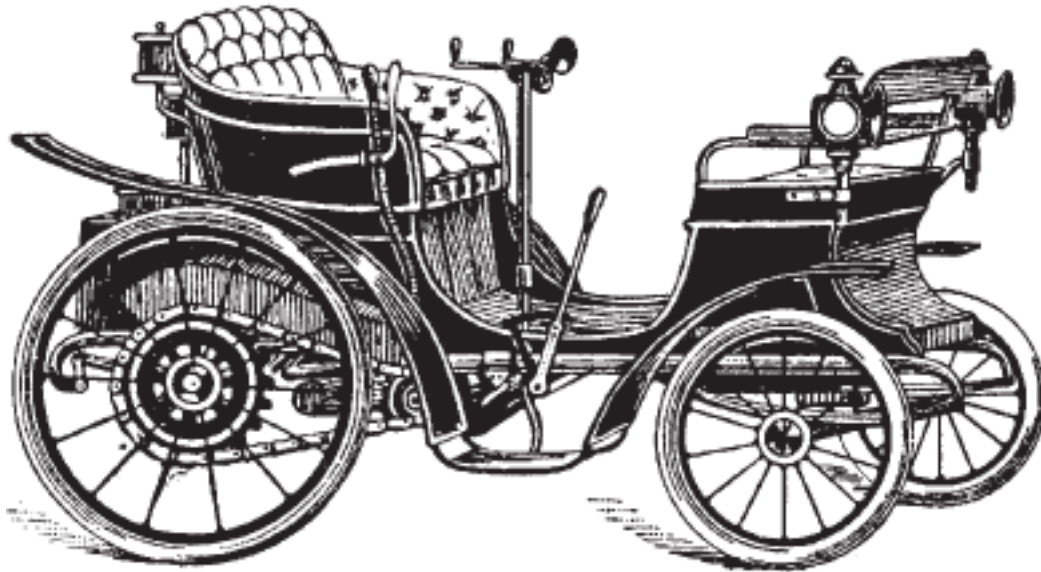
Вот и все, что мы имеем сказать по поводу каменных работ.

Кто-нибудь хочет что-то добавить?

---

³⁵ Перевод А. Васильевой.

Великая междугородняя

Рассказ «Interurban Queen» завершен в июле 1968 г. и опубликован в антологии «Orbit 8» под редакцией Деймона Найта в 1970 г. Включен в авторский сборник «Ringin' Changes» («На все лады», 1984).

Предисловие³⁶

Терри Биссон

Нет сомнения, его «Окла Ханнали» рано или поздно займет место рядом с «Гекльберри Финном» и «Моби Диком» в списке великих американских романов. Но сейчас Рафаэля Алоизиуса Лафферти больше знают по его рассказам. И далеко не все из них известны широкому кругу читателей.

Неудивительно, ведь Лафферти так тонок, так неуловим, так глубок; писатель для писателей. Его любят, им восхищаются, его чествуют – но не массы, а лишь преданное ему (почитайте предисловия), гордое немногочисленное племя.

Даже в нашем мире научной фантастики Лафферти стоит особняком, он – темная звезда, пришелец из Облака Оорта литературы. Наш поэт. Не поэт-романтик (на эту роль больше подходит Брэдбери), а скорее елизаветинец – в блистательной точности языка, в метафизической игре противоречивых идей. Сложный, но бесконечно интересный.

Нет, его нельзя назвать ведущим писателем постзолотой эпохи научной фантастики. Разве автор настолько оригинальный может считаться «ведущим»? А вот незабываемым – да, может! Открыв его однажды для себя, вы останетесь с ним навсегда. Его колдовские чары странного свойства, но, хоть раз попав под их влияние, вы уже никогда не очнетесь.

Итак, перед вами «Великая междугородняя». Не самый блестящий из его рассказов: по меркам Лафферти, «среднячок», то есть для мировой литературы – высшая лига короткой формы. Альтернативная история – жанр, который Лафферти (инженер-электрик со Среднего Запада) часто использовал для того, чтобы перевернуть с ног на голову рутинную действительность родной Оклахомы. Это сказка-утопия (еще один излюбленный жанр автора) с мощным бизнес-мозгом и солнечной кровожадной сердцевиной.

Добро пожаловать.

В компании правнучки вы отправляетесь прокатиться вдоль зеленых полей, мимо живописных ландшафтов вашей мечты.

Винтовки заряжены.

---

³⁶ Перевод М. А. Литвиновой.

Великая междугородняя³⁷

– В тысяча девятьсот седьмом году я достиг совершеннолетия и вступил во владение приличным наследством, – начал рассказ старик. – Паренек я был смысленный и понимал, что многого в жизни не знаю. И я решил спросить у профессионалов, куда выгоднее вложить деньги. Пообщался с банкирами, скотоводами и новыми нефтепромышленниками – людьми передовыми, устремленными в будущее и думающими о приумножении своих капиталов. Как раз в тот год Оклахома из территории стала штатом. Над новым штатом витал дух процветания, и я хотел внести свою лепту в грядущее благоденствие... Наконец мой выбор сузился до двух инвестиционных идей, чьи потенциалы, как мне тогда казалось, были равны. Сегодня такое сравнение вызовет лишь улыбку. Итак, на одной чаше весов лежали акции некоего Харви Гудрича, чья компания продавала каучук. Популярность новомодного автомобиля росла, и я логично предположил, что резина обречена на коммерческий успех. На другой чаше весов лежали акции транспортной компании, прокладывающей железнодорожную линию между городками Кифер и Маундс. В дальнейшем они планировали протянуть ветки в Гленпул, Биксби, Кельвиль, Слик, Бристоу, Беггз и даже в Окмулги и Сапульпу. Я считал, что у мелких междугородних линий большое будущее. Междугородка уже функционировала между Талсой и Сэнд-Спринг, еще одну ветку тянули от Талсы до Сапульпы. Всего в стране действовало больше тысячи маленьких рельсовых дорог, которым, по мнению серьезных людей, предстояло расширяться до масштабов общенациональной сети и стать хребтом всей транспортной системы.

Старика звали Чарльз Арчер. Когда-то давно он был молодым человеком и внимательно слушал напутствия Джо Элайза, банкира из маленького, но быстро растущего городка:

– Ну и загадку ты мне задал, юноша. Дай-ка подумаю. Мы инвестировали в обе компании, рассчитывая получить от каждой курочки по яичку. Но, судя по всему, промахнулись. Развитие этих компаний – два разных варианта будущего, и лишь один из них осуществится. В стране открыли месторождения нефти. Может показаться, что резина – предпочтительный вариант, ведь она напрямую связана с автомобилем, который потребляет получаемое из нефти топливо. Но все не так просто, юноша. На мой взгляд, главное предназначение нефти – снабжение энергией новых заводов. Резина же, учитывая ее невысокий промышленный потенциал, и так уже сильно переоценена. А вот новый способ транспортировки точно будет востребован. Железная дорога – колоссальный шаг вперед по сравнению с лошадьёю. Я убежден, что конная тяга отжила свое. Мы больше не кредитуем производителей повозок и поставщиков упряжи. В то же время в автомобиль, если честно, я не верю. В нем есть что-то разрушительное. Междугородка придет во все, даже самые маленькие, поселки и разрежет магистральные железные дороги так, что их останется не больше полудюжины на всю Америку. Юноша, я бы с полной уверенностью инвестировал в междугородку.

Потом Чарльз Арчер выслушал скотовода Карла Бигхарта:

– А скажи-ка, парень, сколько крупного рогатого скота можно запихнуть в машину? Или даже в грузовик? Или в фургон? А теперь скажи, сколько его войдет в специализированный вагон для скота, который можно прицепить к любому составу на любой междугородней линии? Междугородка – спасение для скотоводов. Правила установки изгородей сейчас такие, что скот и на двадцать миль не перегонишь. А короткие междугородные линии протянутся вглубь сельских территорий, ответвляясь от каждого второго или третьего путевого участка магистрали. Вот что я скажу, парень: у автомобиля нет будущего. Мы этого просто не допустим! Глянь на

---

³⁷ Перевод С. В. Гонтарева.

человека, сидящего верхом на лошади. Я знаю, о чем говорю: большую часть жизни я провел в седле. В обычной жизни всадник, возможно, и неплохой парень. Но стоит ему взобраться в седло – и он меняется. Теперь это высокомерный индюк, и не важно, каким он был, передвигаясь на своих двоих. Замечал не раз такое за собой и другими. Да, когда-то без езды верхом было не обойтись, но все это в прошлом. Всадник – извечный источник опасности. А человек в машине, ручаюсь, опаснее в тысячу раз! Едва сев за руль, милейший господин напускает на себя невероятное высокомерие. А если машины станут мощнее и сложнее, высокомерие взлетит до небес! Верь мне, автомобили разовьют в человеке абсолютный эгоизм, что породит насилие невиданных масштабов, ознаменует конец традиционной семьи, когда под единой крышей живет несколько поколений. Это разрушит добрососедские отношения и само чувство единого народа. Разрастутся язвы городов и фальшивая роскошь пригородов. Разрушится привычный сельский уклад. Возникнет нездоровая конгломерация специализированных хозяйств и обрабатывающей промышленности. Это приведет к отрыву от корней и росту безнравственности. Это превратит каждого в тирана... Я уверен, частный автомобиль будет запрещен. Должен быть запрещен! Это нравственная проблема, а мы – нравственная нация и нравственная страна. И мы предпримем нравственные действия против автомобиля. А без автомобиля у резины нет будущего. Так что, парень, смело бери акции междугородки.

Затем юный Чарльз Арчер выслушал нефтепромышленника Нолана Кушмана:

– Не стану врать, дружище, я обожаю машины. У меня их три, все собраны на заказ. За рулем я император. Черт, да я император в любом случае! Купил летом замок, где останавливались настоящие императоры, и перевез его камень за камнем в родной Осейдж. Что же до автомобиля, я точно знаю, как его модернизировать. Но сначала нужно улучшить дороги: сделать ровнее, покрыть щебнем и бетоном. Потом взяться за машины: уменьшить посадку, нарастить мощность. И так бы мы и сделали, не будь мы людьми. Ведь такова логика развития цивилизации, но я надеюсь, этого не случится. Этого нельзя допустить! Иначе автомобиль широко распространится, а разве можно доверить обществу такую мощь? К тому же я люблю роскошные авто и не хочу, чтобы их было много. Только очень богатые и смелые должны ими владеть. Во что превратится мир, если машина станет доступна рабочему, попадет в руки обычного человека? Все станут такими же высокомерными, как и я. Нет, автомобиль должен остаться предметом гордости состоятельных господ. А каучук – товаром ограниченного спроса. Так что инвестируй, друг, в свои трамвайчики. За ними будущее. Иное будущее меня пугает.

Юный Чарльз Арчер понял: мир стоит у развилки. От выбранного пути будет зависеть судьба страны, народа и всего человечества. Он хорошенько все взвесил и принял решение. А после пошел и вложил деньги.

– Я долго думал и сделал выбор, – закончил рассказ старик Чарльз Арчер. – Купил акции на все, что у меня было, – тридцать пять тысяч долларов. По тем временам сумма немалая. Результат вам известен.

– Я часть этого результата, прадедушка, – улыбнулась Анджела Арчер. – Сделай ты иной выбор, твоя судьба сложилась бы иначе: женился бы ты на другой женщине, и я была бы сейчас не такая, если бы родилась вообще. А я себе нравлюсь именно какая есть, и меня все устраивает в моей жизни.

Ранним субботним утром троица отправилась прокатиться: старый Чарльз Арчер, его правнучка Анджела и ее жених Питер Брейди. Они ехали по квазиурбии – богатому сельскому району. Железнодорожная ветка, по которой катились вагончики, была далеко не главной, но из окон открывались чарующие виды, частично естественные, частично рукотворные, одновременно волнующие и умиротворяющие, и все такие дивные, что дух захватывает.

Чудеса: вплотную к насыпи подступает вода! Это пруды с карпами – один за другим. Станции разведения рыбы. Танцующие по камням ручьи. Быстрые речушки, из которых мальчишки таскают крупную форель. В менее просвещенную эпоху здесь были бы водосточные каналы придорожной полосы отчуждения.

Чуть дальше от дороги растет кустарник – сумах, гамамелис, лавровый сассафрас, ладаные деревца. А вот и деревья, да какие огромные: пекан, гикори и черный орех – вздымаются, словно высокие декорации! А между ними деревья поменьше: ивы, тополя, платаны. Из воды торчит осока, камыш и тростник, берега покрыты суданкой и бородачом. И повсюду – сладкий аромат клевера и запах влажного донника.

– С выбором я ошибся, – продолжал Чарльз Арчер, глядя на проплывающие мимо пейзажи. – Сегодня всем ясно, как чудовищно я ошибся, но ведь я тогда был молод. Спустя два года компания, акции которой я купил, обанкротилась, и я потерял все. Мечта о скором богатстве растаяла как дым, зато появилось хобби, полное горькой иронии: я начал отслеживать курс акций компании, в которую не стал инвестировать. Акции, которые я мог купить на свои тридцать пять тысяч долларов, сегодня стоили бы девять миллионов.

– Фу, хватит о деньгах! – запротестовала Анджела. – Сегодня такой прекрасный день!

– Кстати, – вмешался Питер Брейди. – Ночью слышали еще одного. Не первый раз на этой неделе. Но пока не поймали.

– Не понимаю, зачем их убивают, когда ловят, – вздохнула Анджела. – По-моему, убивать их неправильно.

На поле, засаженном луком, девочка-пастушка сгоняла в стаю галдящих белых гусей, жадно поедающих сорняки. Цветущая капуста грюнколь полыхала зеленью и пурпуром, после нее тянулись насаждения бамии. Джерсейские коровы паслись прямо возле покрытого пластиком рельсового полотна: украшенный узорами пластик почти не отличался от травы.

По воздуху плыли облака, похожие на желтую пыль. Да это же пчелы! Но пчелы без жал. А вот пыли как таковой нет. И никогда не будет!

– Хорошо бы отыскать тех, кто клепают драндулеты, и ликвидировать, – сказал старик Арчер. – Искоренить зло в зародыше.

– Да, но их слишком много, – возразил Питер. – И деньги там крутятся немалые. Конечно, мы находим и убиваем. В четверг прикончили еще одного. И три почти готовых драндулета разломали. Но как ликвидировать всех? Они словно из-под земли лезут.

– Не понимаю, зачем их убивают, – повторила Анджела.

На погрузочной платформе стояли разноцветные фляги с молоком – это молочный склад. В девятиэтажных клетках громко кудахтали куры, но им никогда не приходится долго ждать отправки. На рефрижераторной площадке громоздились десятки тысяч яиц. Чуть дальше – выводок поросят и десяток красных бычков.

Кусты томатов подвязаны к двухметровым шестам. Кукуруза еще не выпустила кисточки початков. За окном вагончика проплывают поля с вьющимися огуречными стеблями и дыньками-канталупами, их сменяют сине-зеленые холмы с рядами картофеля. Дальше виноградники, луга с люцерной, живые изгороди из оранжевой маклюры и боярышника. Морковная ботва волнуется под ветерком, словно зеленое кружево. На полях, засеянных красноглазником и арахисом – самым очаровательным из всех видов клевера, – мирно пасутся стада коров. Мужчины косят сено.

– Я слышу его! – воскликнул Питер.

– Тебе показалось, – покачала головой Анджела. – Сейчас же день. Не думай об этом.

В фермерских прудах из воды высовывают хвосты кормящиеся утки. В придорожных парках подпирают небо дубы. Овцы щиплют траву в загоне – белые островки в зеленом

море. В небольших палатках продается местное вино, чокбир³⁸, сидр, раскрашенные деревянные фигурки или статуэтки из белого камня. На погрузочных площадках козлята скачут под музыку, льющуюся из установленных на столбах громкоговорителей, а козы лижут выходящий на поверхность аспидный сланец, пробуя на вкус новый для себя минерал.

А вот и придорожный ресторан: столики поставлены между деревьями под нависающей небольшой скалой. Метровый водопад изливает свои воды в ручей, который струится прямо через ресторанный зал. Мостик, выложенный из сланца, ведет на кухню.

Один вид сменялся другим, но глаза не уставали впитывать красоту. Придорожные фермы, дальние фермы, ягодные поля! В свои сезоны – ирга, черника, голубика, ежевика, бузина, калина, малина, ежемалина, малижевика, девять сортов смородины, клубника, крыжовник...

Фруктовые сады! Разве их может быть много? Слива, персик, абрикос, черемуха, вишня, яблоко и ранет, груша, папайя, хурма, айва. Бахчи, пасеки, участки овощей для засолки, сыроварни, льнозаводы, сбившиеся в кучу деревеньки (по двадцать домов в каждой, по двадцать человек в доме, двадцать небольших поселений на километр дороги). Сельские трактиры, клубы собаководов, уже открытые и оживленные с самого утра. Дорожные часовни со статуями и коробками «богатый-бедный» (тот, у кого есть деньги и желание поделиться, бросает в прорезь монеты, а тот, кто нуждается, выуживает их из нижней части), часовни с небольшими прохладными нишами, в которых всегда есть хлеб, сыр, мясной рулет и непременно – початый бочонок местного вина. Голодных путников больше нет!

– Теперь и я слышу! – вскричал старый Чарли. – Высокий звук, уходит влево... И... фу! Выхлопные газы и вонь резины! Кондуктор, кондуктор!

Кондуктор, как и остальные в вагончике, тоже услышал звук и остановил поезд, чтобы прислушаться в тишине. Потом позвонил по телефону и, советуясь с пассажирами, передал максимально точные координаты. Налево простиралась пересеченная местность – скалы и холмы, и там среди бела дня кто-то гонял на автомобиле.

Кондуктор отпер оружейный шкаф, извлек несколько винтовок, передал их Питеру и еще двум молодым людям, потом отнес по три винтовки в два других вагона. Солидного вида мужчина связался с пассажирами, которые ехали по другой ветке, слева от них, по другую сторону от сумасшедшего водителя. И водитель оказался в западне, запертый на территории площадью меньше квадратной мили.

– Анджела, оставайся в вагоне, и вы, дедушка Чарли, – приказал Питер Брейли. – Вот небольшой карабин. Воспользуйтесь им, если безумец вдруг выскочит прямо на вас. А мы его сейчас выследим.

Питер поспешил за кондуктором и вооруженными мужчинами – десять человек вышли на смертельную охоту. Еще четыре группы охотников стягивались к завывающей, кашляющей цели с разных сторон.

– Зачем убивать их, прадедушка? Почему просто не отдать под суд?

– Суды снисходительны. Максимум дают пожизненный срок.

– Это же хорошо! Не будут больше ездить на машинах, а кто-то, может, даже перевоспитается.

– Анджела, они очень умело устраивают побег. Вот десять дней назад безумец Гадж убил трех охранников, перелез через стену тюрьмы и ушел от погони. Потом ограбил кооператив сырделов на пятнадцать тысяч долларов, пришел к подпольному сборщику драндулетов и

---

³⁸ Choc beer – оклахомское пиво кустарного производства по рецептуре местных индейцев чокто; со второй половины XX в. выпускается и фабрично.

уже на следующий день гонял по пустошам. Через четыре дня его поймали и убили. Они же невменяемы, Анджела! Психушки ими забиты, но перевоспитать никого не удалось.

– А что плохого в том, что они ездят на машинах? Они же гоняют по диким пустошам глубокой ночью и не дольше двух-трех часов.

– Анджела, их безумие заразно. Их высокомерие не оставит в мире места ничему другому. Наша страна сейчас – в состоянии равновесия. Обмениваемся информацией и путешествуем мы ровно столько, сколько нужно, не больше и не меньше, спасибо рельсовикам и их замечательным дорогам. Все мы соседи и одна семья! Все мы живем в любви и согласии. У нас почти нет разделения на богатых и бедных. Высокомерие и ненависть покинули наши сердца. Мы помним о своих корнях. И у нас есть наши вагончики. Мы – одно целое с нашей землей.

– Да кому какое дело, если автомобилисты получают собственный огороженный участок, где будут делать что хотят, не беспокоя остальных?

– Кому какое дело, если болезнь, безумие и порок обретут собственный огороженный участок? Анджела, неужели ты думаешь, что они останутся в отведенных пределах? Их обуревают дьявольское высокомерие, безудержный эгоизм и отвращение к порядку. Что может быть опаснее для общества, чем человек в автомобиле? Дай им волю – и сразу вернуться нищета, голод, богачи, капиталы. И города.

– Но города – это же самое замечательное, что только есть! Я обожаю туда ездить!

– Анджела, я говорю не про наши прекрасные Экскурсионные Города. Я о городах иного, опасного рода. Однажды они почти подмяли под себя цивилизацию, вот и потребовалось ввести ограничения. Те города лишены уникальности; это просто скопления людей, забывших о своих корнях; людей высокомерных, обезличенных, лишенных сострадания. Нельзя, чтобы они снова отняли у нас землю и нашу квазиурбю. Мы не совершенны, но то, что в нас есть, мы не предадим ради кучки дикарей.

– Какая вонь! Невыносимо!

– Это выхлопные газы. Хотела бы ты родиться в такой атмосфере, прожить в ней всю свою жизнь и в ней же умереть?

– Нет, только не это!

Донеслись выстрелы – разрозненные, но уверенные. Завывание и кашлянье незаконного драндулета приближались. А вот из каменистой ложбины вылетел и он сам – и, причудливо подскакивая на помидорных грядках, понесся прямо к вагончикам междугородки.

Драндулет горел, испуская ужасную смесь запахов горячей кожи, резины, ядовитой окиси углерода и обожженной плоти. Человек, привставший за сломанным рулем, выглядел как безумец и завывал как сумасшедший. На голове и груди с левой стороны алела кровь. Человек излучал ненависть и высокомерие.

– Убейте меня! Убейте меня! – хрипло кричал он, и его голос звучал как прерывистый гром. – После меня придут другие! Мы не перестанем ездить, пока есть хоть одна дикая пустошь и хоть один подпольный умелец!

Человек дернулся и затрясся. В него попала еще одна пуля. Умирая, он продолжал истошно вопить:

– Будь проклят ваш рельсовый рай! Человек в автомобиле стоит тысячи пешеходов! И миллиона пассажиров в вагончиках! Вы никогда не ощущали ту силу, которая просыпается в тебе, когда управляешь монстром! Вы никогда не задыхались от ненависти и восторга, не смеялись над миром из ревущего, прыгающего центра вселенной! Будьте вы прокляты, благопристойные людишки! Лучше я помчусь на автомобиле в ад, чем поползу трамвайчиком в рельсовый рай!

Переднее спицевое колесо разлетелось со звуком, похожим на приглушенные залпы винтовок, что доносились сзади. Драндулет ткнулся носом в землю, встал на дыбы, перевернулся

и взорвался, выплюнув языки пламени. Но сквозь огонь сияли два гипнотических глаза, кипящие темной страстью. И доносился безумный голос:

– Коленвал в порядке! Дифференциал в порядке! Подпольный умелец возьмет их на запчасти! Авто снова поедет... а-а-а-а!

Вагончики покатали дальше. Часть пассажиров пребывала в радостном возбуждении, другие сидели в задумчивости, происшествие их явно обескуражило.

– Не могу без содрогания вспоминать, что я когда-то инвестировал деньги в такое вот будущее, – вздохнул прадедушка Чарльз Арчер. – Уж лучше потерять богатство, чем жить в таком кошмаре.

Молодая пара благополучно погрузила пожитки в багажный вагончик и отправилась занимать места согласно купленным билетам: они переезжали из Экскурсионного Города в квазиурбию к родственникам. Население Экскурсионного Города (с его замечательными театрами и мюзик-холлами, изысканными ресторанами, литературными кофейнями, алкогольными погребками и развлекательными центрами) достигло установленного лимита – семь тысяч человек. Экскурсионных Городов несколько сот, и все восхитительные! Но их население ограничено законом, ведь у всего должен быть предел.

Чудесный субботний день. Птицеловы ловят птиц раскладными сетями, натянутыми между бумажными змеями. Дети, пользуясь бесплатным проездом, торопятся на бейсбольные площадки, где идут игры Рельсовой лиги. Старики с голубиными клетками едут соревноваться, чей голубь быстрее вернется домой. На мелководье полусоленого озера Малая Креветка рыболовы накидными сетями собирают креветок. На поросших травой улочках музыканты под аккомпанемент банджо поют серенады своим девушкам.

Мир – это звучание единственного бронзового гонга, в которое вплетается мелодичный звон вагончиков, катящихся по зеленым рельсам, опутавшим всю страну. Искры сыплются на вагончики, и на их медных боках играют отблески солнца.

По закону расстояние между параллельными рельсовыми линиями не должно превышать километр, но на деле они проходят чаще. По закону ни одна рельсовая линия не может иметь протяженность больше сорока километров – так создается ощущение обособленности. Пересадки между линиями идеально продуманы. Чтобы пересечь страну, нужно сделать примерно сто двадцать пересадок. Магистральных железных дорог не осталось. Они тоже порождают высокомерие, а значит, им пришлось исчезнуть.

Карпы в прудах, хрюшки на клевере, уникальные хозяйства в каждой деревушке, и каждая деревушка по-своему уникальна. Пчелы в воздухе, душистый перец вдоль тропинок и целая страна – живая, как искры над вагончиком, и прямая-прямая, как рельсы.

Как мы сорвали планы Карла Великого

Рассказ «Thus We Frustrate Charlemagne» завершен в апреле 1966 г., доработан в мае 1966 г. и опубликован в журнале «Galaxy Magazine» в феврале 1967 г. Включен в авторский сборник «Nine Hundred Grandmothers» («Девятьсот бабушек», 1970).

Предисловие³⁹ *Джек Данн*

Огузок скунса и полное безумие, или Как читать Р. А. Лафферти

Да, на первый взгляд все вроде так просто... В прозе Лафферти мало прилагательных, зато явственно звучит традиционный мотив американской сказки-небылицы. Его герои зашифрованы, иногда они кажутся одномерными карикатурами, а повествователь ведет свой рассказ наивно-шутливым тоном, по ходу дела изобретая собственный замысловатый синтаксис, подробно растолковывая исторические эпизоды и делая акцент на невероятных деталях. Он переходит вброд философские болота, спеша, как сказочный дровосек Пол Баньян, скорее добраться до конечной точки.

Но невозможно не почувствовать, что в рассказах Лафферти происходит нечто более важное, нечто невидимое и неуловимое. И хотя некоторые фразы мы попросту не понимаем, наталкиваясь на незнакомые слова, невозможные события и теории, которые могут – или не могут? – быть исторически точными, на якобы незначительные отступления – мы не сойдем с этого поезда, пока... пока он не остановится. Всеми признано, что Лафферти уникален. Неподражаем, неповторим. Его сравнивали с Джином Вулфом из-за влияния христианства в его работах; сравнивали с Марком Твенем, видимо, из-за фантазийной природы его прозы. Но по большому счету Лафферти не сопоставим ни с кем, и, даже проведя всевозможные параллели, по прочтении рассказа ты по-прежнему недоумеваешь: что это было? Что сейчас со мной произошло? Почему эти истории навсегда западают в душу, как воспоминания детства, как сказки, которые будоражили и подчас пугали?

Наверное, потому, что рассказы Лафферти и есть сказки – философские сказки для взрослых.

«Как мы сорвали планы Карла Великого» – не исключение. На мой взгляд, это один из его лучших рассказов. Это квинтэссенция Лафферти, воздействующая на читателя на всех уровнях, заставляя долго скрести затылок, пока сказка – или притча? – впечатывается в твоё сознание. Этот рассказ – от начала до конца классический вымысел: в нем говорится, что может произойти, когда ты меняешь одно историческое событие, дабы сотворить альтернативную историю; автор сам выбирает «поворотные пункты» и тем создает новую ветвь событий, разрушающую ход той истории, которую мы знаем или думаем, что знаем. Лафферти представляет нам возможность самостоятельно разобраться с Ронсевальской битвой и номинализмом Уильяма Оккама, и, если вы так увлечетесь, как я, вы точно дадите себе труд выяснить, что означает тот или иной термин.

Но отставим все это в сторону. Когда будете читать рассказ, задумайтесь: а вообще, научная ли это фантастика? Или, возможно, антинаучная?⁴⁰ Автор умело жонглирует образами и метафорами НФ, равно как и альтернативной истории; но ведь наука по большому счету – лишь еще одна форма магии, ее большая метафора. А исторические события, описанные в рассказе... мы верим в них, потому что Лафферти приправляет их наукообразной эзотерикой настолько живо и щедро, что все кажется правильным и разумным. И не только кажется!

---

³⁹ Перевод М. А. Литвиновой.

⁴⁰ См. отличный разбор Пола Кинкейда в его колонке в 275-м выпуске журнала *Vector* (весна 2014 г.), воспроизведенной по адресу: <https://ttdlabyrinth.wordpress.com/2014/08/01/reprint-thus-we-frustrate-charlemagne>. (Примеч. Д. Д.)

Короче говоря, рассказ, который вам предстоит прочитать, – простой, загадочный и полный глубокого смысла. Добро пожаловать в противоречивый мир Лафферти. Добро пожаловать в его счастливую антиутопию. Как сказал однажды критик и ученый Дон Уэбб, «проза Лафферти – она создает Неведомое».

Смотрите живые картины и наслаждайтесь.

Как мы сорвали планы Карла Великого⁴¹

Дело было в Институте.

– Мы с вами покоряли самые разные высоты, – говорил Григорий Смирнов, – но никогда еще не подходили к краю такой глубокой пропасти и не смотрели в будущее с такими зыбкими надеждами. И все же, если расчеты Эпиктиста верны, у нас все получится.

– Получится, люди добрые, – подтвердил Эпикт.

Ктистек-машина Эпиктист – здесь? Как? Ведь он – то есть его основная часть – находится пятью этажами ниже! Но для щупальцев Эпикта нет преград, так что до небольшой гостиной пентхауса он дотянулся. Все, что понадобилось, – кусок кабеля толщиной фута три и приделанная к нему голова.

И какая голова! Не то дракона, не то морского змея, длиной пять футов и словно снятая с карнавальной платформы, и к тому же говорящая на причудливой смеси новоирландского и древнееврейского, приправленной интонациями голландских комиков из старых водевилей. Впрочем, это не удивительно: Эпикт и сам тот еще комик, до последнего пара-ДНК-реле. Возложив на стол огромную, украшенную гребнем голову морского чудовища, он раскурил сигару – наверное, самую большую в мире.

Однако к нынешнему проекту он относился более чем серьезно.

– Условия для эксперимента идеальные, – изрек Эпикт строго, словно объявляя начало собрания. – Мы подготовили контрольные тексты и изучили окружающий мир. Изменится он – изменятся и тексты, причем прямо у нас на глазах. Объектом наблюдения выбран наш средних размеров город, вернее, тот его район, вид на который открывается из окон этого пентхауса. Всем ясно, что связь «прошлое – будущее» неразрывна, и если в результате нашего вмешательства мир станет другим, то и лицо города изменится... Здесь собрались лучшие умы современности: восемь человек и одна Ктистек-машина, то бишь я. Запомните, нас девять. Это может быть важно.

Девять лучших умов составляли: Эпиктист, трансцендентальная машина (за ее выдающиеся способности слово «Ктистек» стали писать с большой буквы); Григорий Смирнов, директор Института и широкой души человек; Валерия Мок, блистательная леди-ученый; Чарльз Когсворт, ее мозговитый муж, затмеваемый супругой; непогрешимый Глассер, лишенный чувства юмора; Алоизий Шиплеп, признанный гений; Вилли Макджилли, человек без ложной скромности, но с аномальными органами – зрячесть среднего пальца левой руки он подхватил на одной из планет звезды Каптейн. И наконец, Одифакс О’Ханлон и Диоген Понтифик. Двое последних не числились сотрудниками Института в соответствии с «Правилами минимальной порядочности», но, когда собирались лучшие умы человечества, эти двое не оставались в стороне.

– Пока что такие эксперименты не проводились открыто, – продолжил Григорий Смирнов. – Изменив мелкую деталь прошлого, мы отследим полученный эффект. Наша цель – эпоха правления Карла Великого, ее еще называют «лучом света в темном царстве». Беда в том, что этот луч погас, хотя трут для нового огня уже был подготовлен. И мир потерял четыреста лет. Почему это произошло? Давайте вернемся к эпохе несостоявшегося рассвета Европы и рассмотрим, где именно случился сбой. Год – семьсот семьдесят восьмой, регион – Испания. Карл Великий заключает союз с Марсилием, арабским королем Сарагосы. Их альянс направлен против калифа Абд ар-Рахмана из Кордовы. Карл Великий занимает такие города, как Памплона, Уэска и Херона, и тем самым расчищает Марсилию путь в Сарагосу. Калиф вынужден согласиться с изменившейся расстановкой сил. Сарагосе предстоит стать незави-

---

⁴¹ Перевод С. В. Гонтарева.

симым городом, принимающим и мусульман, и христиан. Христианство откроет проходы на север к границе Франции, и наступит всеобщий мир... Марсилиий давно относился к христианам Сарагосы как к равным, а теперь вдобавок распахивалась дверь из исламского мира в саму Франкскую империю. Чтобы закрепить партнерство, Марсилиий отправил Карлу Великому тридцать трех мусульманских, иудейских и христианских ученых и несколько испанских мулов. Все это должно было привести к взаимному оплодотворению культур... Но в Ронсевальском ущелье все планы рухнули. Арьергард Карла Великого, возвращавшийся во Францию, попал в засаду и был уничтожен. Среди строителей засады числилось больше басков, чем мусульман, но Карл Великий все равно закрыл проход через Пиренеи и поклялся, что отныне граница останется на замке. Он сдержал свое слово. Так же поступил его сын, а потом и внук. Вот только, отгородившись от мусульманского мира, Карл Великий изолировал и свою культуру... На закате правления он попытался сдвинуть цивилизацию с мертвой точки и призвал на помощь ирландских ученых, греческих паломников и помнивших еще старый Рим переписчиков. Но их стараний оказалось недостаточно, хотя Карл и был близок к успеху. В общем, если б ворота в исламский мир не захлопнулись, Ренессанс наступил бы не через четыреста лет, а гораздо раньше. Наша задача – не допустить засады в Ронсевальском ущелье и оставить дверь между двумя мирами открытой. Если у нас все получится, интересно будет посмотреть, что произойдет с нами.

– «Грабеж со взломом, как блин комом», – заметил Эпикт.

– И кто грабитель? – полюбопытствовал Глассер.

– Я, – ответил Эпикт. – Все мы. Это цитата из древнего стихотворения. Автора, правда, не вспомню. Если что, стихотворение хранится в моей главной памяти внизу.

– В качестве контрольного текста мы взяли отрывок из Илария, – продолжил Григорий. – Читаем очень внимательно: нужно запомнить его таким, какой он *есть*, потому что скоро, возможно, придется вспоминать, каким он *был*. Предполагаю, что слова изменятся прямо у нас на глазах – сразу после того, как мы исполним задуманное.

Отмеченный текст гласил:

Предатель Гано вел сложную игру: взяв деньги у кордовского калифа, он подкупил группу басков-христиан, чтобы те, переодевшись сарагосскими мосарабами, устроили засаду на пути арьергарда франкских войск. Для этого Гано нужно было одновременно поддерживать связь с басками и замедлять движение арьергарда франков, притом что Гано служил у франков проводником и разведчиком. Засада сработала. Карл Великий лишился испанских мулов. И он захлопнул дверь в исламский мир.

Таков был текст Илария.

– Как только мы, образно говоря, нажмем на кнопку, то есть дадим добро Эпикту, текст должен измениться, – сказал Григорий. – Используя сложный комплекс устройств, Эпикт отправит в прошлое аватара – полуробота-полупризрака. И предателя Гано по пути в Ронсевальское ущелье настигнет беда.

– Надеюсь, аватар не очень дорогой, – заметил Вилли Макджилли. – Помнится, в детстве мы обходились дротиком, выструганным из красного вяза.

– Вилли, опять ты со своими шутками, – приструнил его Глассер. – Кого ты, будучи мальчишкой, убил во времени?

– Многих. Маньчжурского короля Ву, папу Адриана Седьмого⁴², нашего президента Харди, короля Марсея из Оверни, философа Габриеля Тёплица. И хорошо, что мы их убили. Дрянные были людишки.

---

⁴² Во время написания рассказа не было папы Адриана VII. Период его папства – с 1984 по 2006 г.

– Никогда о таких не слышал, – фыркнул Глассер.

– Разумеется. Ведь мы их убили, когда они были детьми.

– Хватит дурачиться, Вилли, – вмешался Григорий.

– Он не дурачится, – изрек Эпикт. – Откуда, по-вашему, я взял эту идею?

– Взгляните на мир, – тихо произнес Алоизий, – на наш городок с полудюжиной башен из серого кирпича. На наших глазах он разрастется или, наоборот, съжится. Изменится мир – изменится и городок.

– А я, кстати, еще не видела двух спектаклей, которые сейчас идут в городе, – заволновалась Валерия. – Не дайте им исчезнуть! В конце концов, их всего три!

– Наше отношение к современным изящным искусствам полностью совпадает с мнениями, изложенными в рецензиях, которые мы тоже отобрали в качестве контрольных текстов, – вклинился в разговор Одифакс О’Ханлон. – Можете не соглашаться, но мы уже давно не видели столь катастрофического упадка искусств. Живопись представлена лишь тремя школами, и все они переживают не лучшие времена. Современная скульптура – это стиль «металлолом» и непристойные паяные безделушки. Единственный истинно массовый вид искусства – граффити на стенах туалетов – тоже выродился: никакого воображения, сплошная стилизация, да и просто неприятно смотреть... Немногочисленные мыслители, которых я могу вспомнить, – это покойный Тейяр де Шарден и мертворожденные Сартр, Цилински, Айхингер. Ну хорошо, раз вы смеетесь, не вижу смысла продолжать.

– Все мы, кто собрался здесь, – эксперты в разных областях знаний, – подытожил Когсворт. – Большинство – эксперты по всему сразу. Мы хорошо знаем мир от и до. Так давайте сделаем то, ради чего собрались, и посмотрим, каков будет результат.

– Эпикт, жми на кнопку! – распорядился Григорий Смирнов.

Эпиктист выпустил из своих механических недр аватара – полуробота-полупризрака. Вечером четырнадцатого дня августа месяца 778 года по дороге из Памплоны к Ронсевальскому ущелью предатель Гано был схвачен и вздернут на единственном в дубовой роще рожковом дереве.

И все изменилось.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил, стгорая от нетерпения, Луи Лобачевский. – Не вижу никаких изменений.

– Аватар вернулся и доложил, что миссия выполнена, – сообщил Эпикт. – Но я тоже не вижу перемен.

– Давайте взглянем на образцы, – предложил Григорий.

Присутствующие – десять человек и три машины: Ктистик, Кресмоидек и Проаистематик – разочарованно всмотрелись в контрольные образцы.

– В тексте Илария никаких изменений, – вздохнул Григорий.

И действительно, текст остался прежним:

Король Марсилиий Сарагосский вел сложную игру. Он взял деньги у кордовского калифа, чтобы убедить Карла Великого отказаться от завоевания Испании (чего тот, кстати, не планировал, да и не смог бы). Он требовал с Карла компенсацию за города у северной границы, поскольку те возвращались под христианское управление (хотя сам Марсилиий никогда ими не владел), и начал взимать плату со всякого, кто проходил по новому торговому пути через его город. Взамен Марсилиий подарил Карлу тридцать три ученых, столько же голов мулов и несколько повозок манускриптов из древних эллинистических библиотек. Но дорога через перевал, соединяющая два мира, была открыта, и вдобавок обе стороны теперь имели доступ к Средиземному

морю. Миры приоткрылись друг для друга, что оказало благотворное влияние на каждую из сторон и на цивилизацию в целом.

– Не изменилось ни слова, – констатировал Григорий. – История проследовала тем же курсом. Эксперимент не удался. Но почему? При помощи устройства, которое мне что-то уже толком не вспомнить, мы попытались сократить период беременности и ускорить рождение нового мира. Но у нас ничего не вышло.

– И город ничуть не изменился, – сообщил Алоизий Шиплеп. – Все такой же большой и красивый, с двумя десятками внушительных башен из разноцветного известняка и мидлендского мрамора. Крупнейший культурный и деловой центр. Мы обожаем его, но он такой же, как прежде.

– Все спектакли на месте, – радостно сообщила Валерия, изучив театральную программу. – Включая те, которых я еще не видела. Их больше двадцати. Как я боялась, что они исчезнут!

– В изящных искусствах тоже никаких перемен, если судить по рецензиям-эталонам, – известил Одифакс О'Ханлон. – Можете не соглашаться, но искусство никогда еще не пережило такого подъема и не пользовалось такой популярностью!

– Прямо как копченая кровяная колбаса, – заметила машина Кресмоиди.

– «Дорогу знает в полноте лишь тот, кто бегал по ней трижды», – продекламировала машина Проаист. – Это из одного древнего стишка. Автора, правда, не вспомню. Если что, стишок хранится в моей главной памяти в Англии.

– О да, история-треуголка, которая заканчивается там же, где началась, – изрек Эпиктист. – Но колбаса недурна, и мы должны ею наслаждаться; ведь большинство эпох было лишено даже этого.

– О чем вы болтаете, ребята? – спросил Одифакс и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Живопись по-прежнему переживает эпоху расцвета. Школы – как гроздь галактик. Большинство людей творят только ради удовольствия. Скандинавам и маорийцам все труднее сохранять лидерство в области скульптуры, ведь почти все новые произведения – экстраординарные. Страстность и чувство юмора освободили музыку от излишних догм. А с тех пор как теоретическую математику и психологию отнесли к исполнительским видам искусства, жить стало значительно веселее... Пита Тейяра тут называют талантливым писателем-фантастом, виртуозом эксцентричной пародии. Конечно, тема мыслящей планеты была изрядно заезжена, когда он за нее взялся, но до чего же захватывающая комическая феерия у него вышла!⁴³ А другие! Мультум, Цилински, Поппер, Гандер, Айхингер, Вайткроу, Хорнвангер – все мы в неоплатном долгу перед этими сектантами! Да и в мейнстриме наблюдаем нескончаемую череду великих романов и романистов!.. Извечно популярный вид искусства – граффити на стенах туалетов – удерживает свои позиции. Компания «Путешествия без границ» предлагает девятидневный кругосветный арт-тур, посвященный веселым, но изысканным миниатюрам на стенах туалетных комнат филиалов компании. Ах, как же щедр наш мир!

– Да, наш мир – рог изобилия, – подхватил Вилли Макджилли. – Достижения просто ошеломляют! Но хотелось бы знать: не продиктованы ли мои слова тайным злорадством? Ведь понятно, что эксперимент провалился. А я этому рад. Люблю мир таким, какой он есть.

– Мы пока провели треть эксперимента, и не стоит утверждать, что он провалился, – возразил Григорий. – Завтра снова попытаемся изменить прошлое. А если настоящее останется прежним, попробуем еще раз.

---

⁴³ Имеется в виду французский теолог, биолог, археолог и палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), синтезировавший католицизм и современные теории космической эволюции. В его труде «Феномен человека» (1938–1940, опубл. 1955) описывается концентрация мышления в масштабе планеты.

– Хватит уже о работе, люди добрые, – прогудел Эпиктист. – Встретимся завтра здесь же. А теперь вы к своим развлечениям, мы – к своим.

Вечером люди продолжили разговор: машин поблизости не было, так что над людьми никто не насмехался.

– Давайте вытянем из колоды случайную карту. Как она ляжет, так и поступим, – предложил Луи Лобачевский. – Выберем чисто интеллектуальный переломный момент чуть более поздней истории, внесем изменения и посмотрим, что произойдет.

– Я предлагаю Оккама, – сказал Джонни Кондьюли.

– Но почему? – спросила Валерия. – Ведь он последний и самый малоизвестный из средневековых схоластов. Может ли то, что он сделал или не сделал, как-то повлиять на ход истории?

– Еще как может, – сказал Григорий. – Оккам приставил бритву к сонной артерии и вскрыл бы ее, если б ему не помешали. Хотя... здесь что-то не так. В воспоминании чего-то не хватает, как будто у истории с бритвой есть другой смысл⁴⁴ и терминализм⁴⁵ Оккама имеет более глубокое значение, чем нам кажется.

– Давайте позволим ему вскрыть артерию, – предложил Вилли. – Заодно пойдем терминологию терминализма и посмотрим, насколько остра эта бритва Оккама.

– Так и поступим, – решил Григорий. – А то наш мир – совсем как жирный лентяй, он пресыщен, он докучлив, и это не давало мне покоя весь вечер. Давайте выясним, способны ли интеллектуальные воззрения быть реальной силой. Детали операции поручим Эпикту, а поворотным моментом, на мой взгляд, нужно считать тысяча триста двадцать третий год. Джон Латтерелл тогда приехал из Оксфорда в Авиньон, где размещался папский престол. С собой он привез пятьдесят шесть тезисов из оккамовских «Комментариев к Сентенциям Павла» и предлагал их заклеить. Хотя их и не осудили прямо, Оккам подвергся серьезной критике, от которой так и не оправился. Латтерелл доказал, что нигилизм Оккама – не более чем «ничто». Идеи Оккама увяли, прокатившись невнятным эхом по дворам мелких германских князьков, которым он пытался всучить свой товар, но торговать на серьезных рынках ему уже не светило. А между тем его философия могла пустить под откос целый мир, если, конечно, интеллектуальные воззрения и впрямь способны выступать как реальная сила.

– Уверен, нам не понравился бы Латтерелл, – сказал Алоизий. – Без чувства юмора, без искры, да еще и всегда прав. А вот Оккам – другое дело. Он обаятелен, он совершал ошибки. Возможно, развязав руки Оккаму, мы уничтожим мир. Развитие Китая замедлилось на тысячелетия из-за мировоззрения, которое оккамовскому и в подметки не годится. Индия погружена в гипнотический застой, который называют революционным, но никаких изменений там не происходит – интеллектуальные воззрения этой страны ее намертво загипнотизировали. Но оккамовское мировоззрение – вещь совсем особая.

Итак, они решили, что бывший канцлер Оксфордского университета, вечно больной Джон Латтерелл, должен подцепить еще одну болезнь по дороге в Авиньон, куда он направился в надежде покончить с ересью Оккама, пока та не заразила весь мир.

– Что же, начнем, люди добрые, – прогрохотал назавтра Эпикт. – Моя часть работы состоит в том, чтобы остановить человека, следующего из Оксфорда в Авиньон в тысяча триста двадцать третьем году. Ну, проходите, располагайтесь, и давайте приступим. – Эпиктист затянулся из семирожкового бульбулятора, голова морского чудовища засияла всеми цветами радуги, и гостиная наполнилась волшебным дымом.

---

⁴⁴ Бритва Оккама – философский принцип, гласящий: «Не следует умножать сущности сверх необходимого».

⁴⁵ То же, что номинализм.

– Все готовы к тому, что им перережут горло? – бодро спросил Григорий.

– Всегда готов, – проворчал Диоген Понтифик, – хоть и не верю в результат. Вчерашняя попытка потерпела фиаско. Не представляю, чтобы какой-то английский схоласт, оспаривавший около семисот лет назад в итальянском суде во Франции на плохой латыни пятьдесят шесть пунктов ненаучных абстракций другого схоласта, может стать причиной масштабных изменений.

– Условия для опыта идеальные, – сообщил Эпикт. – Контрольный текст взяли из «Истории философии» Кобблстона⁴⁶. Если попытка окажется удачной, текст изменится у нас на глазах. Как и все остальные тексты, да и мир в целом. – И добавил: – Здесь собрались лучшие умы человечества: десять человек и три машины. Запомните, нас тринадцать. Это может быть важно.

– Следите за миром, – приказал Алоизий Шиплеп. – Я говорил это вчера, но повторю еще раз. Мы сохранили мир в нашей памяти и теперь наблюдаем за ним. Изменится он хоть на йоту – мы это сразу уловим.

– Жми на кнопку, Эпикт! – скомандовал Григорий Смирнов.

Эпиктист выпустил из своих механических недр аватара – полуробота-полупризрака. И однажды вечером в 1323 году на полпути из Манда в Авиньон, что в древней провинции Лангедок, Джон Латтерелл внезапно снова занемог. Его отвезли на небольшой, затерянный в горах постоялый двор. Возможно, там он и умер. Во всяком случае, до Авиньона он не добрался.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил Алоизий.

– Давайте взглянем на образцы, – предложил Григорий.

Все четверо – три человека и призрак Эпикт, похожий на маску каченко⁴⁷ с переговорной трубкой, – повернулись к эталону и разочарованно переглянулись.

– Все та же палка и пять насечек на ней, – вздохнул Григорий. – Наша контрольная палка. В мире ничего не изменилось.

– Искусство тоже осталось прежним, – сообщил Алоизий. – Наскальная роспись, которой мы посвятили несколько последних лет, выглядит как и прежде. Мы рисовали медведей черной краской, буйволов – красной, а людей – синей. Когда у нас появится еще одна краска, мы сможем изобразить птиц. Как же я надеялся, что эксперимент подарит нам новые цвета! Даже мечтал, что птицы на рисунке возникнут сами собой, прямо у нас на глазах.

– А из еды все тот же огузок скунса, и ничего больше, – вздохнула Валерия. – А я так ждала, что эксперимент превратит этот огузок в бедро оленя!

– Не все потеряно, – успокоил ее Алоизий. – У нас по-прежнему есть орехи гикори. Об этом я молился перед экспериментом: только бы орехи гикори не пропали!

В невыделанных шкурах на голое тело, они восседали вокруг стола для совещаний, под который приспособили большой плоский валун, и кололи каменными топорами орехи гикори. Мир оставался прежним, хоть они и пытались его изменить с помощью магии.

– Эпикт подвел нас, – констатировал Григорий. – Мы создали его тело из лучших палок. Сплели ему лицо из лучших трав. Наши песнопения наполнили его магией. Все наши сокровища – в его защечных мешках. И что же волшебная маска предлагает нам в ответ?

– Спроси у нее сам, – посоветовала Валерия.

Вокруг стола сидели лучшие умы человечества. Трое смертных – Григорий, Алоизий, Валерия (единственные люди на Земле, если не считать живущих в других долинах) и дух Эпикт, маска с переговорной трубкой.

---

⁴⁶ Имеется в виду английский иезуит Фредерик Чарльз Коплстон (1907–1994), прославившийся в 1948 г. радиодebатами с Бертраном Расселом, и девяти томная «История философии», выпущенная Коплстоном в 1946–1975 гг.

⁴⁷ Имеется в виду качина – расписная ритуальная маска у индейцев хопи, изображающая духов предков.

Григорий встал, обошел стол и наклонился к переговорной трубке:

– Эпикт, и что прикажешь нам делать?

– Я помню женщину, к носу которой приросла кровавая колбаса, – сказал Эпикт голосом Григория. – Это как-нибудь поможет?

– Возможно. – Григорий снова занял место за валуном для совещаний. – Это из одной старой – ну почему старой, я придумал ее только сегодня утром! – народной сказки про три желания.

– Пусть Эпикт расскажет, – предложила Валерия. – У него лучше получается.

Обогнув Эпикта, она подошла к переговорной трубке и выпустила через нее клуб дыма – она курила большую рыхлую сигару, свернутую из черных листьев.

– Жена тратит первое желание на колбасу, – начал Эпикт голосом Валерии. – То есть на куски оленьего мяса с кровью, забитые в перевязанную оленью кишку. Муж злится, что жена так бездарно потратила желание, ведь она могла попросить целого оленя, из которого получилось бы много колбасы. Муж злится очень сильно и в сердцах желает, чтобы колбаса навечно приросла к носу жены. Так и происходит. Жена в истерике. До мужа доходит, что он истратил второе желание... Дальше я забыл.

– Как же так, Эпикт?! Как ты мог забыть? – в смятении вскричал Алоизий. – Может статься, судьба всего мира зависит от того, чтобы ты вспомнил. А ну-ка, дайте мне поговорить с этой треклятой маской! – И Алоизий направился к разговорной трубке.

– О да, вспоминаю, – продолжил Эпикт голосом Алоизия. – Мужчина тратит третье желание на то, чтобы избавить жену от колбасы. Таким образом все возвращается на круги своя.

– Мы не хотим, чтобы все оставалось на кругах своих! – простонала Валерия. – Это невыносимо: из еды только огузок скунса, из одежды – обезьяньи манто. Мы жаждем лучшей жизни. Мы желаем верхнюю одежду из шкур оленей и антилоп!

– Я призрак-ясновидец, больше ничего от меня не требуй. – И Эпикт умолк.

– Послушайте, мир остался прежним, но у нас есть намеки на нечто иное! – осенило Григория. – Скажите, какой народный герой выстругал дротик? И из какого материала?

– Народный герой – Вилли Макджилли, – произнес Эпикт голосом Валерии, которая первой подскочила к переговорной трубке, – а выстругал он его из красного вяза.

– А мы? Сможем ли мы выстругать дротик по примеру народного героя Вилли? – спросил Алоизий.

– А у нас есть выбор? – осведомился Эпикт.

– Сможем ли мы сконструировать метатель дротиков и перебросить его из нашего контекста в...

– Точнее, сможем ли мы убить дротиком аватара, пока тот не убил кого-то еще? – взволнованно спросил Григорий.

– Попробуем, – изрек призрак Эпикт, вернее, просто маска каченко с переговорной трубкой. – По правде сказать, мне эти аватары никогда не нравились.

Думаете, Эпикт – просто маска каченко с переговорной трубкой? А вот и нет. Внутри него находилось много чего еще: красный гранат, настоящая морская соль, толченые глаза бобра, хвост гремучей змеи и панцирь броненосца. По сути, он стал первой Ктистек-машиной.

– Приказывай, Эпикт! – воскликнул Алоизий, приладив дротик к метателю.

– Стреляй! Достань предателя-аватара! – прогудел Эпикт.

На закате ненумерованного года на полпути из ниоткуда в никуда аватар пал замертво, сраженный в сердце дротиком, выструганным из красного вяза.

– Ну как, Эпикт, сработало? – спросил, волнуясь, Чарльз Когсворт. – Скорее всего, да, ведь я снова здесь. А то в последний раз меня не было.

– Давайте взглянем на образцы, – спокойно предложил Григорий.

– К черту образцы! – воскликнул Вилли Макджилли. – Вспомните, ведь мы уже это слышали!

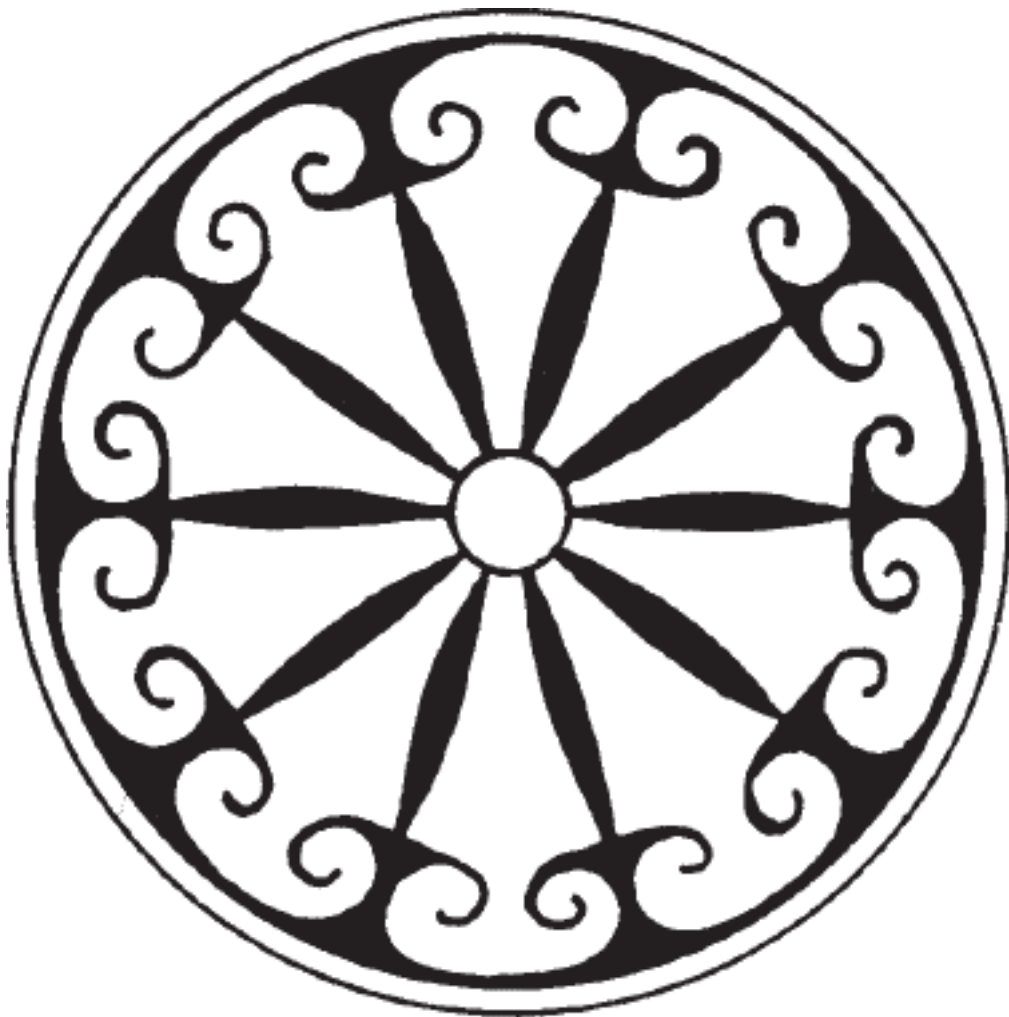
– Уже началось? – спросил Глассер.

– Уже закончилось? – удивился Одифакс О’Ханлон.

– Жми на кнопку, Эпикт! – рявкнул Диоген. – Такое чувство, будто я что-то пропустил, что-то очень важное. Давай по новой!

– О нет, нет! – всполошилась Валерия. – Только не по новой. Это же путь к огузку скунса и полному безумию.

Безлюдный переулоч

Рассказ «In Our Block» завершен в январе 1965 г. и опубликован в журнале «If» в июле 1965 г. Включен в авторский сборник «Nine Hundred Grandmothers» («Девятьсот бабушек», 1970).

Предисловие⁴⁸

Нил Гейман

Это не первый рассказ Лафферти, который я прочитал, и даже не первый, в который влюбился.

Но первый, который я постарался разобрать, проанализировать и понять, как же автор его написал.

Наверное, мне тогда было лет одиннадцать. Я смутно представлял себе, что такое квартал в американском городе – для меня это слово значило нечто вроде «района». Сам я рос в поселках и городках с извилистыми, беспорядочно расположенными улицами. Но рассказ мне очень понравился. История без основной линии, но с множеством невероятных сценок, сказка-небылица без видимого конфликта: два друга прогуливаются по кварталу и разговаривают с разными интересными персонажами. Посыл ясен: это рассказ о людях, недавно приехавших в город, об иммигрантах, которые много и тяжело работают, стараясь пробиться в этой жизни. И о том, что необычные вещи принимаются как данность.

И еще мне очень понравился язык.

Я прочитал рассказ, перечитал, потом прочитал громко вслух и попытался во всем разобраться. Так и не додумался, что такое «лента „Дорт“» (полагаю, Лафферти и сам этого не знал). Я чувствовал: если смогу понять, как выстроена эта история, как она сконструирована, – возможно, пойму, как вообще надо писать.

Мне понравилась речь людей в лачугах. Хотелось научиться говорить как машинистка или ее сестра из бара. Я надеялся, что когда-нибудь смогу произнести что-то вроде: «Заметьте, как ловко я уйду от ответа», – но возможности так и не представилось. И у меня только один язык, так что сказать: «А это я делаю моим другим языком» – тоже вряд ли бы удалось.

Став старше, я перечитывал этот рассказ как минимум раз в год, и он мне все так же нравился. Он с сумасшедшинкой, и в нем много гротеска, но вместе с тем это великолепная глубокая история о бедном рабочем человеке, об одном квартале в Оклахоме, куда приезжают новые люди и стараются изо всех сил стать своими. История об иммиграции, о том, какие знания привозят с собой приезжие. История о раскрытых секретах.

И еще это история о писателе, о местах, где он черпал свои идеи. Я представляю себе, как Рэй Лафферти идет в местный бар мимо лачуги, которую прежде никогда не видел. И в тот же вечер возвращается домой с готовым рассказом в голове.

---

⁴⁸ Перевод М. А. Литвиновой.

Безлюдный переулок⁴⁹

В этом квартале хватало разных затейников.

Повстречав там Джима Бумера, Арт Слик спросил его:

– Ходил когда-нибудь вон по той улице?

– Сейчас – нет, а мальчишкой – бывало. Помню тут одного лекаря... Он ютился в палатке – летом, когда сгорела фабрика комбинезонов. Улица-то всего в один квартал длиной, а потом упирается в железнодорожную насыпь. Несколько лачужек, а вокруг бурьян растет – вот и вся улица... Правда, сейчас эти развалюшки как-то не так выглядят. Вроде и побольше их стало. А я думал, их давно снесли.

– Джим, я два часа смотрю на тот крайний домик. Утром сюда пригнали тягач с сорокафутовым прицепом и стали грузить его картонными коробками, каждая три фута в длину, торец дюймов восемь на восемь. Они их таскали из этой лачужки. Видишь желоб? По нему спускали. Такая картонка потянет фунтов на тридцать пять – я видел, как парни надрывались. Джим, они нагрузили прицеп с верхом, и тягач его уволок.

– Что же тут такого особенного?

– Джим, я тебе говорю, что прицеп нагрузили с верхом! Машина еле с места сдвинулась, – думаю, на ней было не меньше шестидесяти тысяч фунтов. Грузили по паре картонок за семь секунд – и так два часа! Это же две тыщи картонок!

– Да кто теперь соблюдает норму загрузки? Следить некому.

– Джим, а домик-то – что коробка из-под печенья, у него стенки семь на семь футов, и дверь на полстенки. Прямо за дверью в кресле сидел человек за хлипким столиком. Больше в эту комнатку ничего не запихнешь. В другой половине, откуда желоб идет, что-то еще есть. На тот прицеп влезло бы штук шесть таких домиков!

– Давай-ка его измерим, – сказал Джим Бумер. – Может быть, он на самом деле побольше, чем кажется.

Вывеска на хижине гласила: «ДЕЛАЕМ – ПРОДАЕМ – ПЕРЕВОЗИМ – ЧТО УГОДНО ПО ЗАМЕНИШЕННЫМ ЦЕНАМ». Старой стальной рулеткой Джим Бумер измерил домик. Он оказался кубом с ребром в семь футов. Он стоял на опорах из битых кирпичей, так что при желании можно было под него заглянуть.

– Хотите, продам вам за доллар новую пятидесятифутовую рулетку? – предложил человек, сидевший в домике. – А старую можете выбросить.

И он достал из ящика стола стальную рулетку.

Арт Слик отлично видел, что столик был безо всяких ящиков.

– На пружине, имеет родиевое покрытие, лента «Дорт», шарнир «Рэмси», заключена в футляр, – добавил продавец.

Джим Бумер заплатил ему доллар и спросил:

– И много у вас таких рулеток?

– Могу приготовить к погрузке сто тысяч за десять минут. Если берете оптом, то уступлю по восемьдесят восемь центов за штуку.

– Утром вы грузили машину такими же рулетками? – спросил Арт.

– Да нет, там было что-то другое. Раньше я никогда не делал рулеток. Только сейчас вот решил сделать для вас одну, глядя, какой старой и изломанной вы измеряете мой дом.

Арт и Джим перешли к обшарпанному соседнему домику с вывеской: «СТЕНОГРАФИСТКА». Этот был еще меньше, футов шесть на шесть. Изнутри доносилось стрекотание пишущей машинки. Едва они открыли дверь, стук прекратился.

⁴⁹ Перевод А. Э. Графова.

На стуле за столиком сидела хорошенькая брюнетка. Больше в комнате не было ничего, в том числе и пишущей машинки.

– Мне послышалось, здесь машинка стучала, – сказал Арт.

– Это я сама, – улыбнулась девушка. – Иногда для развлечения стучу, как пишущая машинка. Чтобы все думать, что здесь стенографистка.

– А если кто-нибудь войдет да и попросит что-то напечатать?

– А как вы думать? Напечатаю, и все.

– Напечатаете мне письмо?

– О чем говорить, приятель, сделаю. Без помарок, в двух экземплярах, двадцать пять центов страница, есть конверты с марками.

– Посмотрим, как вы это делаете. Печатайте, я продиктую.

– Сперва диктуйте, а потом я напечатать. Нет смысла делать две вещи одним разом.

Арт, чувствуя себя последним дураком, пробубнил длинное витиеватое письмо, которое уже несколько дней собирался написать, а девушка сидела, подчищала ногти пилочкой. И перебила только раз.

– Почему это машинистки вечно сидеть и возиться со своими ногтями? – спросила она его. – Я тоже так стараюсь делать. Подпилю ногти, потом немного отращу, а потом опять подпилю. Целое утро только этим и занимаюсь. По-моему, глупо.

– Вот и все, – сказал Арт, кончив диктовать.

– А вы не прибавить в конце «люблю, целую»? – спросила девушка.

– С какой стати? Письмо деловое, и человека этого я едва знаю.

– Я всегда так писать людям, которых едва знаю, – сказала девушка. – Письмо на три страницы. Это семьдесят пять центов. Пожалуйста, выйдите секунд на десять. Не могу при вас печатать.

Дверь захлопнулась, и воцарилась тишина.

– Эй, девушка, – крикнул Арт, – чем вы там занимаетесь?

Из домика донеслось:

– Вам что, нужно еще и память подправить? Уже забыли о своем заказе? Письмо печатаю.

– Почему же машинки не слышно?

– Это еще зачем? Для правдоподобия? Надо бы за это брать отдельную плату.

За дверью хихикнули, и секунд пять машинка стрекотала как пулемет. Потом девушка открыла дверь и вручила Арту текст на трех страницах. Действительно, письмо было напечатано безукоризненно.

– Что-то тут не так, – сказал Арт.

– Да что вы! Синтаксис ваш собственный, сэр. А разве надо было выправить?

– Нет, я не о том. Девочка, скажи по чести, как твой сосед умудряется доверху нагрузить машину товаром из дома, который в десять раз меньше этой машины?

– Так ведь и цены заменены.

– Ага. Он тоже вроде тебя. Откуда вы такие?

– Он мой дядя-брат. И мы называть себя индейцами племени инномини.

– Нет такого племени, – твердо сказал Джим Бумер.

– Разве? Тогда придется придумать что-нибудь еще... Но звучит очень по-индейски, согласитесь! А какое самое лучшее индейское племя?

– Шауни, – ответил Джим Бумер.

– О'кей, тогда мы – индейцы шауни. Нам это пара пустяков.

– Шауни уже заняты, – сказал Бумер. – Я сам шауни и всех шауни в городе знаю напечет.

– Салют, братец! – крикнула девушка и подмигнула. – Это как в той шутке, которую я заучила, только начинаться там по-другому... Видишь, какая я хитренькая: о чем ты ни спросить, у меня уже ответ готов.

– С тебя двадцать пять центов сдачи, – сказал Арт.

– Да я знаю, – сказала девушка. – У меня из головы выскочить, что там на обратной стороне двадцатипятицентовой монетки... Заговариваю вам зубы, а сама стараюсь припомнить. Ну конечно, там такая смешная птичка сидеть на вязанке хвороста. Сейчас я ее кончу. Готово. – Она вручила Арту Слику двадцатипятицентовик. – А вы, уж пожалуйста, рассказывайте, что здесь поблизости есть лапочка-машинистка, которая отлично печатать письма.

– Без пишущей машинки, – добавил Арт Слик. – Пошли, Джим.

– Люблю, целую! – крикнула им вслед девушка.

Рядом стояла маленькая убогая пивная под вывеской «КЛУБ ХЛАДНОКРОВНЫХ». Буфетчица была похожа на машинистку, как родная сестра.

– Мы бы взяли по бутылке «Будвайзера», – сказал Арт. – Но ваши запасы, я вижу, на нуле.

– А зачем запасы? – спросила девушка. – Вот ваше пиво.

Арт поверил бы, что бутылки она достала из рукава, но платье у нее было без рукавов.

Пиво оказалось холодным и вкусным.

– Вы не знаете, девушка, как это ваш сосед на углу делает товар из ничего и тут же грузит им машину.

– А вещи делаются из чего-то! – вставил Джим Бумер.

– А вот и нет! – сказала девушка. – Я учу вашего языка. Эти слова я знаю. «Из чего-то» собирают, а не делают. А он делает.

– Забавно, – удивился Слик, – на этой бутылке написано «Будвизер», а правильно – «Будвайзер».

– Ой, какая же я простофиля! Не могла вспомнить, как это пишется; на одной бутылке написала правильно, а на другой – нет. Вчера вот тоже один посетитель попросить бутылку пива «Прогресс», а я на ней написать «Прогеррс». Сбиваюсь иногда. Сейчас исправлю.

Она провела рукой по этикетке, и надпись стала верной.

– Но ведь чтобы печатать типографским способом, надо сперва сделать клише! – запротестовал Слик.

– Все проще простого, – сказала буфетчица. – Только надо быть повнимательнее. Как-то я по ошибке сделала пиво «Джек» в бутылке из-под «Шлица», и посетитель был недоволен. Я взяла у него эту бутылку, раз-два, поменяла вкус пива и дала ему, будто б новую. «Это у нас освещение такое, что стекло кажется коричневым», – сказала я ему. И тут сообразила, что у нас вовсе никакого освещения нет! Пришлось быстренько сделать бутылку зеленой. Еще бы мне не ошибаться, ведь я такая бестолковая.

– В самом деле, у вас тут нет ни лампочек, ни окон. А светло, – сказал Слик. – И холодильника у вас нет. Во всем этом квартале нет электричества. Почему же у вас холодное пиво?

– Прекрасное холодное пиво, не правда ли? Заметьте, как ловко я ухажу от ответа. Добрые люди, не хотите ли еще по бутылочке?

– Хотим. Заодно поглядим, откуда вы их достаете, – сказал Слик.

– Смотрите, сзади змея, змея! – вскрикнула девушка. – Ого, как вы подпрыгнули! – засмеялась она. – Это же шутка. Неужели я стану держать змей в таком хорошем баре?

Перед ними тем временем появились откуда-то еще две бутылки.

– Когда же вы появились в этом квартале? – спросил Бумер.

– Кто за этим следит? – ответила девушка. – Люди приходят и уходят.

– Вы не местные, – сказал Слик. – И нигде я таких не встречал. Откуда вы взяли? С Юпитера?

– Кому он нужен, ваш Юпитер? – возмутилась девушка. – Там и торговать не с кем, кроме как с кучкой насекомых. Только хвост отморозишь.

– Девушка, а вы нас не разыгрываете? – спросил Слик.

– Я сильно стараюсь. Выучила много шуток, но еще не умею ими шутить. Я улущаюсь, ведь хозяйка бара должна быть веселой, чтобы людям хотелось снова к ней зайти.

– А что в том домике у железной дороги?

– Сегодня моя сестра-кузина открыла там салон. Отращивает лысым волосы. Любого цвета. Я ей говорила, что она спятила. Пустое дело. Будь им нужны волосы, стали бы люди ходить лысыми?

– Она и вправду может отращивать волосы? – спросил Слик.

– А как же! Вы сами не можете, что ли?

В квартале стояли еще три-четыре обшарпанных лавчонки, которых Арт и Джим не заметили, когда входили в «Клуб хладнокровных».

– По-моему, этой развалюшки тут раньше не было, – сказал Бумер человеку, стоявшему у последнего из домов.

– А я ее только что сделал, – ответил тот.

Старые доски, ржавые гвозди... Он ее только что сделал!

– А почему вы... э... не построили дом попроще, раз уж взялись за это? – спросил Слик.

– Меньше подозрений. Если вдруг появляется старый дом, на него никто и не смотрит. Мы здесь люди новые и пока что хотим осмотреться, не привлекая особого внимания. Вот я и думаю, что бы мне сделать. Как вы считаете, найдут здесь сбыт отличные автомобили, долларов по сто за штуку? Хотя, пожалуй, при их изготовлении придется считаться с местными религиозными традициями.

– То есть? – спросил Слик.

– Культ предков. Хотя все уже отлично работает на естественной энергии, у машины должны быть пережитки прошлого, бензобак и дизель. Ну что ж, я их встрюю. Подождите, сделаю вам машину за три минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.